

1850

ST. PETERSBURG

CHAPMAN

А 139
36

630
69

XX 438
T

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копеекъ, за полгода 75 копеекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копеекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 6 АПРѢЛЬ 1844.

Современная Исторія

и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

Двора Нашего Оберъ-Гофмейстеру Опочинину.
Въ воздаяніе отличной службы вашей и во изъявленіе особеннаго благоволенія Нашего за усмотрѣнія Нами изъ представленнаго Министромъ Императорскаго Двора отчета за 1843 годъ, благоразумныя распоряженія ваши по управленію Гофъ-Интендантскою Конторою, въ вѣдомствѣ коей сдѣланы значительныя улучшенія, безъ испрошенія на то особыхъ суммъ, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые при семъ алмазные знаки Ордена Св. Александра Невскаго. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостию Нашею благосклонны.
С. Петербургъ 25 Марта 1844 года.

Нашему Генералъ-Лейтенанту, Члену Генералъ-Аудиторіата, Эйхину 2-му.
Въ награду долговременной, всегда усердной службы вашей, и постоянно-ревностнаго исполненія обя-

занностей настоящаго вашего званія, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Вѣлаго Орла, знаки коего при семъ препровождаю, пребываемъ къ вамъ благосклонны.
С. Петербургъ, 26 Марта 1844 года.

Нашему Генералу отъ Артиллеріи, Члену Военнаго Совѣта, Эйлеру.

Постоянно-ревностная, долговременная служба ваша и отлично-дѣятельное исполненіе обязанностей, на васъ возложенныхъ, въ особенности по званію Члена Военнаго Совѣта, приобрѣли вамъ право на совершенную Нашу признательность, въ ознаменованіе коей Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые при семъ алмазами украшенные знаки Ордена Св. Благовернаго Князя Александра Невскаго. Впрочемъ, Императорскою Нашею милостию пребываемъ къ вамъ благосклонны.
С. Петербургъ, 26 Марта 1844 года.

На подлинныхъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Статсъ-Секретарь по дѣламъ Учрежденія Императрицы Маріи, Андрей Гофманъ, состоящій при Австрійскомъ Дворѣ Графъ Павелъ Медель и Статсъ-Секретарь, Управляющій V-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Василій Карильевъ, Всемилостивѣйше пожалованы въ Тайные Совѣтники, съ оставленіемъ при прежнемъ званіи и должностяхъ.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Эко-

номіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о Сибирскихъ золотыхъ промыслахъ и принявъ на видъ, что быстрое расширеніе сихъ промысловъ устраняетъ уже всякой поводъ къ удержанію прежнихъ мѣръ воспособленія золотопромышленникамъ, *мнѣніемъ положилъ*: представленіе Министра исполнѣ утвердить, и, въ слѣдствіе того, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Горнаго Устава, Св. Зак. т. VII, постановить: 1) Выдача изъ С-Петербургскаго монетнаго двора двутретнихъ денегъ за сланное въ Алтайское Горное Правленіе Сибирское золото, кромѣ добытаго въ теченіе 1843 года, съ 1844 прекращается; вмѣсто того, дозволяется желающимъ получать, подъ квитанціи того Правленія, ссуды изъ Коммерческаго Банка, на нижеизложенныхъ основаніяхъ: а) Сибирскіе промышленники могутъ, отъ одного до трехъ разъ въ году, представлять добытое ими золото въ Алтайское Горное Правленіе, которое обязано, по сплавкѣ и пробѣ высшеннаго золота, выдавать имъ въ полученіи онаго квитанціи, съ означеніемъ, сколько по пробѣ оказалось чистаго золота, и въ то же время препроводить копию съ сихъ квитанцій въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ. б) Золотопромышленники, желающіе получить ссуду изъ Коммерческаго Банка, представляютъ означенныя квитанціи, при прошеніи, въ упомянутый Департаментъ, который, давъ въ полученіи расписки, сличаетъ квитанціи съ присланными изъ Алтайскаго Правленія копіями, повѣряетъ слѣланное симъ Правленіемъ о количествѣ чистаго золота исчисленіе, производитъ по своимъ дѣламъ справку на счетъ того, не подлежитъ ли добытое золото какому-либо законному запрещенію, или особому вычету, и затѣмъ, удостовѣривъ подписью на квитанціяхъ, что препятствія къ ссудѣ не имѣется, самыя квитанціи передаетъ въ Коммерческій Банкъ, а копіи съ нихъ въ С. Петербургскій монетный дворъ. Расписки же Департамента служатъ промышленникамъ документомъ при требованіи изъ Коммерческаго Банка ссуды. в) По полученіи сообщенія Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и квитанціи, Коммерческій Банкъ производитъ золотопромышленнику, или его повѣренному, по поданному объявленію, или его повѣренному, по поданному объявленію, подъ залогъ означенныхъ въ квитанціи металловъ, денежную, на девять мѣсяцевъ, за учетные проценты, ссуду, въ размѣрѣ одного рубля восьмидесяти копѣекъ золотомъ на каждый золотникъ чистаго золота, безъ взятія въ семь случаевъ обязательствъ, обыкновенно требуемыхъ при залогѣ въ Банкѣ товаровъ; о количествѣ же каждой ссуды извѣщаетъ Департаментъ Горныхъ и Солян-

ныхъ Дѣлъ и монетный дворъ. 2) Не возбраняется золотопромышленникамъ закладывать и часть только золота, въ квитанціи значащагося, и за остальную часть получать деньги съ монетнаго двора въ свое время, при окончательномъ расчетѣ; но о семъ обязаны они объявить при самомъ представленіи квитанціи въ Департаментъ. 3) По поступленіи самаго золота на С. Петербургскій монетный дворъ, оно оставляетъ тамъ, для произведенія контръ-пробы, очистки и передѣла въ монету. Съ наступленіемъ же девяти-мѣсячнаго учетнаго срока, монетный дворъ обязанъ заплатавъ Коммерческому Банку подлежащее по расчету количество денегъ, а Банкъ дѣлаетъ отмѣтку о полученіи денегъ на квитанціяхъ и возвращаетъ оныя монетному двору. 4) Остальная, сверхъ 1. р. 80 коп. за золотникъ, часть денегъ, по произведеніи контръ-пробы и окончательномъ удержаніи всѣхъ причитающихся съ золота податей, расходовъ и могущихъ быть особыхъ вычетовъ, выдается монетнымъ дворомъ золотопромышленникамъ, по мѣрѣ выдѣлки монеты, но не далѣе, какъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со времени окончанія контръ-пробы. 5) За золото, подъ залогъ котораго Сибирскіе промышленники не желаютъ получить денежной ссуды, С. Петербургскій монетный дворъ, по принятіи онаго и слѣланія контръ-пробы, производитъ полный, за надлежащими вычетами, платежъ, на основаніи предъидущей статьи. Промышленникамъ не воспрещается также получать, подъ учетъ привезеннаго уже въ С. Петербургъ золота, денежную изъ Коммерческаго Банка ссуду на вышеизясненномъ же основаніи, съ сокращеніемъ въ семь случаевъ девяти-мѣсячнаго срока до четырехъ мѣсяцевъ. 6) За золото, добытое на промыслахъ Сибирскихъ въ количествѣ пуда и менше, выдаются деньги, прежнимъ порядкомъ, прямо изъ Алтайскаго Горнаго Правленія, съ оставленіемъ достаточной части на окончательный вычетъ десятины и другихъ расходовъ. 7) Содержащееся въ ст. 463 Св. Уст. Горн. постановленіе относительно выдачи двутретнихъ денегъ заводчикамъ и золотопромышленникамъ области хребта Уральскаго, остается и впредь въ своей силѣ.» — Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 16 Апрѣля.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

12 Апрѣля въ засѣданіе Палаты Депутатовъ Министры Морской и Иностранныхъ Дѣлъ представили бумагу, которую требовала Палата. Это было, привезенное Г. Ренельмъ, донесеніе отъ 15 Ноября Контръ-Адмирала *Дюпети-Туара*, касающееся событій на Отаити. Президентъ пригласилъ Депутатовъ просмотрѣть ее. Г. *Ледрю-Ролленъ*, столь жестоко жаловавшийся передъ тѣмъ на отсутствіе Министровъ, теперь спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Одинъ голосъ изъ центра воскликнулъ: «И такъ вопросовъ не будетъ?» Другіе голоса возразили: «Погодите, еще не конецъ!» Президентъ объявилъ, что очередь говорить за Г-мъ *Билью*, который прежде всего спросилъ Морскаго Министра: относится ли положенное на столѣ Палаты донесеніе до событій, совершившихся во время протекторства и отрѣшенія Королевы *Помаре*? — Морской Министръ: Отчасти относится. Когда въ первый разъ рѣчь шла о событіяхъ на Отаити, правительство имѣло въ своихъ рукахъ нѣсколько донесеній отъ подчиненныхъ офицеровъ, которыхъ предъявленіе Министерство признало за лучшее отложить до полученія сообщеній отъ ихъ начальника. Что слѣдало тогда правительство? — Г. *Одиллонъ-Барро*: Оно представило извлеченіе... — Морской Министръ: Нѣтъ, не извлеченіе, но полный докладъ, не пропустивъ ни одной строчки. Донесеніе Г. *Дюпети-Туара* отъ 10 Ноября, которое тогда мы сообщили, было буквально сходно съ полученнымъ нами, и изъ нынѣ представляемаго вы увидите, что Контръ-Адмиралъ въ началѣ его извиняется, что прежде онъ не могъ войти въ подробности. «Дѣла, пишетъ онъ, не терпѣли отлагательства; я отложилъ составленіе подробнаго донесенія, которое нынѣ представляю, до переѣзда моего съ Отаити въ Чили, когда надѣялся имѣть болѣе досуга.» — Г. *Билью*: И такъ донесеніе Адмирала содержитъ въ себѣ только сущность донесенія подчиненныхъ ему офицеровъ? Въ такомъ случаѣ я предлагаю, чтобы Палата отерчила всякія сужденія до-тѣхъ-поръ, пока не будутъ сообщены ей эти донесенія. — Г. *Гизо*: Когда прочтете представленныя вамъ бумаги, вы узнаете то, что желаете знать. — Г. *Билью* настаивалъ о предъявленіи донесеній офицеровъ, утверждая, что узнать описанныя въ нихъ событія необходимо, чтобы составить вѣрное сужденіе о дѣйствіяхъ Адмирала. — Г. *Гизо*

возразилъ, что представляемое нынѣ донесеніе Адмирала *Дюпети-Туара* заключаетъ въ себѣ описаніе событій, совершившихся со времени основанія протекторства до отрѣшенія Королевы *Помаре*. И такъ факты изложены въ немъ вполне. Не было еще при-мѣра, чтобы требовали предъявленія донесеній подчиненныхъ лицъ къ ихъ начальникамъ. — Г. *Араго*: Но теперь того требуютъ. — Г. *Гизо*: Правительство не можетъ, однако, на то согласиться. Донесеніе, нынѣ вамъ представляемое, есть тотъ документъ, котораго требовали отъ насъ уже два мѣсяца тому назадъ, но который тогда мы не могли сообщить, потому-что не имѣли его въ рукахъ. Онъ содержитъ въ себѣ описаніе всѣхъ событій, всѣхъ дѣйствій Адмирала и изложеніе причинъ, побуждавшихъ его дѣйствовать. Мы почли долгомъ предъявить его Палатѣ. Не смотря на то, Г. *Беррье*, на рѣчь котораго отвѣчалъ Адмиралъ *Мако*, а вслѣдъ за нимъ и Г. *Билью*, возобновили свои настоянія о предъявленіи донесеній офицеровъ. Послѣдній упрекалъ Министерство въ недостаткѣ правдивости. Онъ сказалъ, что когда Палата въ Мартѣ мѣсяцѣ требовала свѣдѣнія о событіяхъ, совершившихся со времени основанія протекторства до отрѣшенія Королевы *Помаре*, то Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отвѣчалъ, что онъ не получалъ этихъ свѣдѣній, между-тѣмъ-какъ тогда уже въ рукахъ его и Морскаго Министра были донесенія офицеровъ, начальствовавшихъ въ отсутствіе Адмирала на Отаити. (*Движеніе*.) Далѣе онъ утверждалъ, что слѣдовало бы отдать Адмирала *Дюпети-Туара* подъ военный судъ, если полагаютъ, что онъ преступилъ свои инструкціи, или подвергнуть суду Министерство, если того не было, или по-крайней-мѣрѣ наказать его рѣшеніемъ Палаты, выражающимъ порицаніе за то, что оно не поддержало Адмирала. Г. *Гизо* опровергалъ въ энергическихъ выраженіяхъ мнѣніе, будто нельзя не одобрить дѣйствій должностнаго лица или отозвать его съ своего поста безъ того, чтобы не отдать его подъ судъ, присовокупивъ, что, при такихъ обстоятельствахъ, всякая отвѣтственность правительства будетъ дѣломъ невозможнымъ. Такъ же сильно Министръ протестовалъ противъ другаго мнѣнія, будто правительство обязано сообщать Палатѣ все бумаги, касающіяся какого-либо событія или факта. Но оппозиція не успокоилась, Г. *Билью* повторилъ свои упреки, а Гг. *Одиллонъ-Барро* и *Ледрю-Ролленъ* подкрѣпили ихъ. Послѣдній заключилъ рѣчь свою объявленіемъ, что Министерство поступаетъ въ отношеніи къ Палатамъ не ис-

крѣно и не благородно. Президентъ пригласилъ его къ порядку; но это не помѣшало ему возразить, что если слова его сказаны не въ парламентскомъ духѣ, то тѣмъ не менѣе однако жъ они истинны. Засѣданіе было потомъ закрыто при общемъ смятеніи, и пренія не привели ни къ какому опредѣленному результату.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій защитникомъ Министерства явился маркизъ *Габріакъ*. Онъ старался доказать, что дѣйствія Адмирала *Дюпети-Туара* были поспѣшны и необдуманны. Изъ донесенія, нынѣ полученнаго, видно, сказалъ онъ, что причиною послѣднихъ событій были одни Англичане и что протекторатъ былъ уважаемъ пока они находились далеко отъ Отаити. Очень понятно, что они не могли видѣть безъ досады, что земля, ими открытая и обращенная въ христіанство, подчинилась покровительству Франціи. По этому-то Англійскій Консулъ, по прибытіи въ 1843 году на Отаити, началъ употреблять все свое вліяніе для усиленія Англійской оппозиціи; онъ полагалъ, что Англія воспротивится протекторству. На Отаити происходили собранія, въ которыхъ явно изъявляли желаніе, чтобы островъ оставался въ рукахъ Англіи. Но всѣ эти событія, даже высадка нѣсколькихъ солдатъ и поднятіе флага не были довольно важны, чтобы могли оправдать низложеніе Королевы. Министерство, не одобрявъ поступокъ Адмирала, явило, слѣдовательно, доказательство умѣренности и силы и, по мнѣнію моему, поступило совершенно такъ, какъ требовали того честь и достоинство націи.» — Графъ *Матъе де-ла-Редортъ* говорилъ въ пользу Адмирала *Дюпети-Туара* и утверждалъ, что Королева *Помаре*, водрузивъ флагъ, врученный ей Англійскимъ Капитаномъ отъ имени Англійской Королевы, показала тѣмъ, что она прибѣгаетъ къ защитѣ Англіи; она нарушила тѣмъ заключенный ею съ Франціею договоръ, по которому послѣдней принадлежало исключительное право протекторства надъ островами Товарищества, и Адмиралъ имѣлъ, слѣдовательно, право распорядиться о низложеніи Королевы. — *Г. Гизо* старался опровергнуть утвержденіе, будто бы протестантскіе миссіонеры господствуютъ на Сандвичевыхъ островахъ; онъ замѣтилъ, что на основаніи послѣдняго договора туда допущены миссіонеры католическіе, которые тамъ проповѣдуютъ, заводятъ школы и оказываютъ уже вліяніе на значительное католическое народонаселеніе; все это совершилось и совершается подъ защитою Франціи. — Графъ *Матъе де-ла-Редортъ* продолжалъ изъяснять

неудовольствіе свое противъ неодобренія дѣйствій Французскаго Адмирала. Онъ указалъ на Англійскую политику въ Остъ-Индіи, какъ на примѣръ, которому Франціи слѣдовало бы подражать. Англія обратила протекторство въ окончательное владычество надъ народонаселеніемъ, простирающимся до 100 милліоновъ душъ и даже при простомъ покровительствѣ всегда умѣла распространять власть свою гораздо болѣе, чѣмъ Франція при подобныхъ же обстоятельствахъ, и все это потому, что Франція не поддерживаетъ агентовъ своихъ надлежащимъ нравственнымъ вліяніемъ. — Послѣ Графа *Матъе де-ла-Редортъ* говорилъ *Г. Вилльменъ*, который защищалъ Министерскую политику. Дальнѣйшія пренія были отложены до слѣдующаго дня.

— По извѣстіямъ изъ Аѳинъ проектъ новаго кореннаго постановленія, измѣненный въ нѣкоторыхъ статьяхъ, вслѣдствіе замѣчаній Его Величества Короля *Оттона*, былъ представленъ Его Величеству и окончательно принятъ имъ въ тотъ же самый день. Національный Конгрессъ принялъ декретъ, по которому Графъ *Іоаннъ Каподистрія*, бывший правителемъ Греціи, провозглашенъ благодѣтелемъ отечества, и правительство приглашено воздвигнуть въ честь его статую въ Навплии, на площади Трехъ-Адмираловъ, которая нѣкогда была обогрена его кровію. Въ Мартѣ ожидали распушенія Національнаго Конгресса.

Изъ Тулона пишутъ отъ 1-го Апрѣля, что получено извѣстіе изъ Туниса отъ 16-го Марта. Военныя приготовленія продолжаютъ съ прежнею дѣятельностію; огромное число снарядовъ было сложено въ фортахъ Гуметты. Однако же Европейцы еще надѣялись на сохраненіе мира. Между-тѣмъ, въ Порто-Фарино прибыло четыре Сардинскихъ военныхъ корабля, именно два фрегата, одинъ корветтъ и одинъ бриггъ. — Два парохода, одинъ Французскій и одинъ Англійскій, прибыли къ Тунису.

Иностранная Словесность.

АЛЬБИНА.

ПОВѢСТЬ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

I.

Въ концѣ 1789 года, страхъ и надежда волновали жителей Франкфурта. Но въ замкѣ Эппштейнъ господствовалъ только страхъ, потому-что его владѣтель, старый графъ Родольфъ, былъ приверженецъ императора. Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ рассказъ, не однѣ политическія заботы навели морщины на чело графа и терзали его сердце. Онъ сидѣлъ съ своею супругою въ большой залѣ своего замка. Крупныя слезы орошали изсохшія щеки графини; но графъ задумалъ свою грусть въ глубинѣ души. Они разсуждали о печальномъ предметѣ.

— Надо простить, сказала графиня.

— Это невозможно, отвѣчалъ ей супругъ. Если бы никто не могъ видѣть насъ, я принялъ бы, съ распростертыми объятіями, и Конрада и его жену. Но я не смѣю нарушить обязанностей дворянина; столько взоровъ устремлены на насъ! Я выгналъ Конрада, и Конрадъ не долженъ являться мнѣ на глаза.

— Такъ, если бы Конрадъ былъ старшій въ нашей фамиліи, робко возразила графиня; но главою Эппштейновъ послѣ васъ будетъ Максимилианъ.

— Но тѣмъ не менѣе, сказалъ графъ, и Конрадъ принадлежитъ къ фамиліи Эппштейновъ.

— Онъ не переживетъ вашего гнѣва, печально проговорила мать.

— Тѣмъ скорѣе онъ соединится съ нами тамъ, гдѣ родители всегда могутъ обнимать своихъ дѣтей.

Графъ замолчалъ; онъ боялся продолжать разговоръ,

№ 6.

чтобы не залиться слезами, подобно женѣ. Во время этого безмолвія, вошелъ старый слуга Даніель.

— Господинъ Максимилианъ, сказалъ онъ, проситъ позволенія говорить съ своимъ родителемъ.

«Пусть мой сынъ войдетъ, отвѣчалъ графъ.

«Максимилианъ, съ горестію произнесъ старый Родольфъ, когда Даніель вышелъ изъ комнаты: Максимилианъ терзаетъ мое сердце, но онъ не унижитъ себя въ глазахъ общества неровнымъ бракомъ; онъ развратенъ, но не теряетъ своего достоинства; онъ забываетъ добродѣтель, но помнитъ, что онъ графъ; онъ остается благороднымъ человѣкомъ, если не по душѣ, по-крайней-мѣрѣ по наружности; Максимилианъ мой достойный наследникъ.

— За то Конрадъ достойный сынъ, сказала графиня.

Вошелъ Максимилианъ. Онъ преклонилъ колѣно передъ графомъ, поцѣловалъ его руку, равно и руку матери, и потомъ стоя, въ молчаніи, ожидалъ, чтобы престарѣлый отецъ началъ рѣчь. Максимилианъ былъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста, съ мрачною и гордою физиономіей. Въ его чертахъ выражались дерзость и непреклонная воля; преждевременныя морщины избороздили его лицо, на которомъ пожирающее самолюбіе оставило рѣзкую печать. Подъ его широкимъ германскимъ лбомъ, вмѣсто генія, гнѣздилась гордость; изогнутый носъ и тонкія губы придавали ему какой-то повелительный видъ. Вообще, въ его наружности, какъ и въ душѣ, были только дерзость, холодность и презрѣніе.

«Прежде чѣмъ услышу ваши слова, сказалъ Родольфъ съ строгимъ видомъ, я долженъ сдѣлать вамъ еще одинъ упрекъ. Покуда вы были молоды, мы оказывали вамъ снисхожденіе, оправдывая ваши проступки вашимъ возрастомъ; но теперь, Максимилианъ, вы уже не въ юныхъ лѣтахъ. Если вы лишились жены, то у васъ остался сынъ. Максимилианъ—вы отецъ; а черезъ нѣсколько дней, я чувствую это по своей слабости, вы сдѣлаетесь владѣтелемъ всѣхъ вашихъ помѣстьевъ и единственнымъ представителемъ всѣхъ нашихъ предковъ. Не пора ли подумать серьезно о вашей судьбѣ и о вашемъ поведеніи, которое надѣлало столько соблазна въ нашей странѣ и причинило столько горести въ замкѣ.

— Батюшка, отвѣчалъ Максимилианъ, вы, по своей добротѣ, слишкомъ внимательны къ жалобамъ мужиковъ. Я человѣкъ благородный, я не отказываюсь отъ удоволь-

ствій; а забавы льва не то, что забавы ягненка. За честь своего имени, я дрался уже три раза; а что касается до остального, объ томъ я не слишкомъ беспокоюсь. Какое же я сдѣлалъ новое преступленіе? Мои псаріи опустошили какое-нибудь крестьянское поле? Мои собаки заѣли свинью сосѣда? Или моя лошадь, по неосторожности, затоптала какого-нибудь мужика?

— Вы обезчестили дочь управителя Альпенига.

— Къ сожалѣнію, это правда, со вздохомъ отвѣчалъ Максимилианъ; но мой благородный отецъ не долженъ обращать вниманія на подобныя вещи; вы знаете, батюшка, что я, не такъ какъ Конрадъ, никогда не унижусь до того, чтобы жениться на какой-нибудь дѣвченкѣ подлаго рода.

— О! безъ сомнѣній, я не опасуюсь этого, прервалъ старшій графъ съ горькою улыбкою.

— Такъ, что же пугаетъ васъ? продолжалъ Максимилианъ. Соблазнилъ, сказали вы сейчасъ. Но въ этомъ отношеніи, вы можете быть спокойны. Случилось одно страшное несчастье! Вчера бѣдная Гретхенъ одна разгуливала по берегу Майна; вздумалось ей, такъ я предпологаю, сорвать какую-нибудь полевую розу, либо незабудку; нога поскользнулась, и рѣка умчала бѣдную Гретхенъ; однимъ словомъ, ея трупъ нашли только нынче утромъ. Я въ отчаяніи отъ этой неожиданной смерти! Я любилъ мою Гретхенъ, и, простите, батюшка, мою слабость, я плакалъ по ней; но вамъ нечего опасаться послѣдствій моей глупости.

— Правда, сказалъ графъ, оцѣнивъ отъ ужаснаго разсказа Максимилиана.

Мать подняла глаза и руки къ небу и молила Бога о прощеніи своего преступнаго сына.

— Вы имели желаніе говорить со мною? снова началъ графъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Да, батюшка, я хочу просить у васъ милости, не для себя,—я никогда не заслуживалъ вашего гнѣва, — а для брата Конрада; правда, онъ виноватъ передъ вами, но онъ слишкомъ несчастливъ.

— Вы пришли просить за добраго брата, съ нѣжностію произнесла графиня, замѣтивъ, хоть на этотъ разъ, благородную черту въ своемъ сынѣ.

— Да, матушка, продолжалъ Максимилианъ, вы знаете, я люблю Конрада; слабая, но прекрасная душа! онъ всегда уступалъ мнѣ какъ своему господину. Не его вина, что онъ родился скорѣе для философской каюды, чѣмъ для шпаги. Правда, жениться

тайно на дочери ничтожнаго человѣка и ввести въ нашу фамилію законное дитя какой-нибудь крестьянки — совершенное безуміе, въ этомъ я согласенъ, батюшка, съ вами; но заблужденіе еще не преступленіе; притомъ, Поэми — прелестная женщина, она будетъ утѣхою Конрада, и наконецъ, подобная глупость сдѣлана не старшимъ изъ Эппштейновъ, не мною. Конечно, вы раздражили бы императора, если бы утвердили этотъ бракъ своимъ отеческимъ согласіемъ; но я поѣду въ Вѣну и успокою его. Егермейстера Гаспара, отца Поэми, мы превратимъ въ стараго военнаго; современемъ, про эту исторію не будетъ и поминна. Ваша снисходительность можетъ повредить развѣ одному мнѣ, не правда ли, батюшка, только мнѣ, потому-что я наследую ваши титулы и милости двора? Но изъ дружбы къ доброму Конраду, я готовъ на это пожертвованіе. Итакъ, батюшка, заклинаю васъ, не изгоняйте Конрада во Францію, позвольте ему жить вблизи васъ. Бѣдный юноша такъ любитъ васъ, такъ привязанъ къ родинѣ, что не переживетъ своего изгнанія; изгнаніе для него — смертный приговоръ, батюшка.

— Защищая своего брата, Максимилианъ, вы исполняете свою обязанность; но мой долгъ — отказать вамъ. Конрадъ рѣшительно не хочетъ разорвать своего союза, а?

— Онъ непреклоненъ, я долженъ сознаться въ этомъ.

— Послѣ этого, если я уступлю Конраду, ужели германское дворянство проститъ мою слабость?

— Конечно, нѣтъ; но по-крайней-мѣрѣ согласитесь видѣть и выслушать Конрада.

— Не возможно, возразилъ графъ, опасаясь изменить своимъ чувствамъ: не возможно.

— Въ такомъ случаѣ, простите меня, батюшка; я приказалъ позвать сюда моего брата. Пусть, хоть въ послѣдній разъ, онъ взглянетъ на своего родителя. Онъ, безъ сомнѣнія, уже здѣсь; онъ идетъ, вотъ онъ. Ради Бога, примите его, батюшка.

— Графъ, тихимъ голосомъ произнесла графиня, обращаясь къ своему мужу: если я всегда была покорною и преданною вамъ женою, позвольте мнѣ насладиться высшимъ удовольствіемъ — еще разъ увидѣть своего сына.

— Пусть будетъ по вашему, Гетруда, но только не покажите себя слабою, понимаете?

Графъ Родольфъ сдѣлалъ знакъ; Максимилианъ подошелъ къ дверямъ и отворилъ ихъ Конраду, который

молча преклонилъ колѣно, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего отца.

Конрадъ рѣшительно не походилъ на своего брата. Блѣдное лицо, блѣлокные волосы, одушевленные глаза, все это придавало какую-то изысканность младшему сыну Родольфа. Въ эту минуту, семейство графа представляло величественную и торжественную картину. Максимилианъ стоялъ неподвижно, какъ холодный зритель расчитанной сцены; Конрадъ, все еще съ преклоненнымъ колѣномъ, трепеталъ отъ внутренняго волненія; отецъ, сѣдоловый старикъ, съ величественнымъ видомъ, сидѣлъ въ рѣзныхъ креслахъ и боролся съ нѣжными отеческими чувствами, чтобы поддержать свою строгость; мать, украдкою отирая выкатившуюся слезу, попеременно смотрѣла, съ различными чувствами, на своего супруга и на сына; наконецъ, со стѣнъ, украшенныхъ портретами предковъ, смотрѣли безмолвные свидѣтели и судьи.

— Говорите, Конрадъ, сказалъ графъ Родольфъ.

— Батюшка, началъ Конрадъ, три года тому, я былъ двадцати-лѣтнимъ, мечтательнымъ юношею. Тогда-какъ мой братъ путешествовалъ по Германіи и Франціи, я находилъ болѣе удовольствія оставаться возлѣ васъ, и, по своему нелюдному характеру, отказывался не только являться ко двору, но и посѣщать сосѣдніе замки. Я не искалъ обширнаго горизонта для своего счастья; я любилъ предаваться мечтамъ, и мое сердце билось тревогою любви. Я встрѣтилъ одну прекрасную дѣвушку, и не спрашивалъ объ ея фамиліи; любовь не знаетъ разницы въ состояніяхъ; это была Поэми; я полюбилъ ее, потому-что она была прекрасна и невинна.

— О, если бы я былъ здѣсь, пробормоталъ Максимилианъ, съ какимъ наслажденіемъ постарался бы избавить твою Поэми отъ послѣдняго достоинства, которое такъ сильно соблазняло тебя, мой бѣдный братъ!

— Но, продолжалъ Конрадъ, признаюсь, я не слѣпо предался своей страсти; я измѣрилъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ Поэми, и пытался подавить въ себѣ первую любовь. Но эта борьба лишь усиливала мою страсть; неодолимая сила непрерывно влекла меня въ домъ Гаспара, и въ одинъ день, Поэми открылась мнѣ въ своей любви. Что я долженъ былъ сдѣлать? Убѣжать отъ нея, не такъ ли, матушка? Но я не имѣлъ силы. Обольстить ее, скажетъ Максимилианъ? Но я не такъ низокъ. Прийти къ вамъ, батюшка, и

признаться во всемъ? Но я не смѣлъ. Я обвинялся съ нею тайно, и не думалъ оскорбить этимъ ни Бога, ни людей. Но я обманулся. У меня родился сынъ, и надо было выбрать любое: или подвергнуться вашему гнѣву, или бросить въ жертву клеветѣ мою жену. Я выбралъ первое. Вашъ гнѣвъ справедливъ, и я пришелъ не для того, чтобы вымолить ваше прощеніе, нѣтъ; я желалъ бы только знать, что, оставляя родину, я не унесу съ собою вашего презрѣнія.

— Конрадъ, отвѣчалъ графъ глухимъ голосомъ: судьба поставила насъ выше другихъ для того, чтобы мы служили имъ примѣромъ. Быть-можетъ, тяжка эта доля, но надо покоряться ей. А вы измѣнили своему долгу. Бура революціи, которою грозитъ намъ Франція, должна пробудить нашу твердость; при видѣ опасности, болѣе чѣмъ когда-нибудь, мы должны сохранять свои преимущества. Я, какъ благородный человѣкъ и какъ отецъ, отвѣчаю за поступки своихъ дѣтей, и только моя строгость можетъ поправить вашу ошибку. И такъ, отправьтесь во Францію и служите королю Людовику; я благословляю васъ.

— Батюшка, вскричалъ Конрадъ, я покажу себя достойнымъ васъ, сниму позорное пятно съ нашей фамиліи; я оставлю Эппштейнъ. Прощайте.

Конрадъ почтительно поклонился своему отцу, но не смѣлъ подойти къ нему. Родольфъ не говорилъ ни слова; онъ боялся обнаружить свои чувства. Что касается до графини, она не осмѣливалась даже взглянуть на своего сына; но, склонивъ голову, молча заливалась горькими слезами. Конрадъ поклонился ей издали.

— Проводите вашего брата, сказалъ старикъ Максимилиану, который, въ продолженіе всей этой сцены, молча кусалъ свои губы.

— Но позвольте мнѣ возвратиться и переговорить съ вами, возразилъ старшій изъ Эппштейновъ.

— Я ожидаю васъ, отвѣчалъ старикъ.

Братья вышли изъ комнаты. Тяжкая грусть сдвинула родительское сердце графа и графини, но одинъ Богъ видѣлъ ихъ слезы и слышалъ ихъ вздохи. Черезъ четверть часа, когда возвратился Максимилианъ, на ихъ лицахъ выражалась уже привычная важность.

— О чемъ хотѣли вы говорить со мною? спросилъ графъ своего сына.

— Вотъ объ чемъ, батюшка. Не смотря на строгость, съ какою вы наказали Конрада за наруше-

не долга дворянина, вы, быть можетъ, тѣмъ не менѣе утратили нѣсколько милости императора; я желаю поправить это дѣло. Годъ тому, какъ я лишился жены, но у меня остался сынъ, которому я могу передать свое имя, и поэтому мнѣ никогда не приходила мысль вступить въ новый бракъ. Между-тѣмъ теперь, когда необходимо поддержать благосклонность императора къ нашей фамилии, я нашелъ самую выгодную партію: это дочь одного изъ вашихъ друзей, дочь герцога фонъ-Швальбаха, который теперь пользуется сильнымъ вліяніемъ при дворѣ.

— Это Альбина фонъ-Швальбахъ? спросила графиня.

— Такъ, матушка; единственная наследница всѣхъ владѣній герцога.

— Моя сестра, прервала мать, игуменя того монастыря, въ которомъ воспитывалась Альбина, говорила мнѣ о ея несравненной красотѣ.

— Ей принадлежитъ, прибавилъ Максимилианъ, чудесная вилла Винкель, въ Вѣнѣ.

— Моя сестра говорила, что Альбина съ наружною красотою соединяетъ рѣдкія совершенства души.

— Кромѣ того, продолжалъ молодой графъ, герцогъ фонъ-Швальбахъ можетъ передать своему зятю герцогское титуло.

— Какое счастье, сказала графиня, назвать эту дѣвушку моею дочерью и замѣнить для нея покойную мать.

— И какая честь вступить въ родство съ Швальбахами! сказалъ Максимилианъ.

— Да, промолвилъ старый графъ, Швальбахи—одна изъ славнѣйшихъ и величественнѣйшихъ вѣтвей германскаго дерева.

— И такъ, батюшка, вы не откажетесь написать письмо къ вашему старинному другу и попросить руку его дочери для вашего сына.

За этою просьбою послѣдовало продолжительное молчаніе. Старый Родольфъ опустилъ голову и погрузился въ глубокую думу.

— Батюшка, вы не отвѣчаете? Кажется, вы сомнѣваетесь. Такой союзъ, который обѣщаетъ столько блеска для нашей фамилии, не можетъ и не долженъ быть неприятеlemъ вамъ.

— Максимилианъ, Максимилианъ! сурово возразилъ Родольфъ, будетъ ли счастлива эта дѣвушка?

— Она будетъ графиня фонъ-Эппштейнъ, батюшка.

Снова настало молчаніе. Эти два человѣка, связанные скорѣе законами свѣта, чѣмъ узами родства, далеко не походили другъ на друга. Сынъ ненавидѣлъ отца за его предрасудки, а отецъ презиралъ сына за его дурное поведеніе.

— Вспомните, батюшка, снова началъ Максимилианъ, что этотъ союзъ придастъ новый блескъ нашей фамилии; и вы не хотите подумать о нашей славѣ!

— Вашъ отецъ знаетъ, что ему надо дѣлать, отвѣчалъ старикъ. Поѣзжайте въ Вѣну; вы уже найдете тамъ рекомендательное письмо у герцога фонъ-Швальбаха.

— Если позволите, батюшка, я сейчасъ оставлю замокъ, сказалъ Максимилианъ: такую знаменитую наследницу надо ловить поскорѣе, и дай Богъ, чтобы мнѣ не опоздать.

— Дѣлайте, какъ хотите, сказалъ графъ.

— Удостоить ли меня родители своего благословенія?

— Благословляю васъ, сынъ мой, сказала графиня.

— Да поможетъ вамъ Господь! сказала графиня. Максимилианъ поцѣловалъ руку матери, почтительно поклонился отцу и вышелъ.

— Конрадъ не посмѣлъ требовать благословенія, меланхолически произнесъ графъ, но онъ получилъ его. Богъ скорѣе слышитъ безмолвное сердце, чѣмъ говоритъ уста.

III.

Если мы оставимъ берега Майна и изъ угрюмага замка Эппштейнъ перенесемся въ роскошныя окрестности Вѣны, мы увидимъ тамъ, въ очаровательной виллѣ Винкель, Альбину фонъ-Швальбахъ, прелестную шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая, съ дѣтскою беззаботностію, бѣгаетъ по садовой аллеѣ. Въ концѣ этой аллеи сидитъ, на каменной скамьѣ, задумчивый герцогъ фонъ-Швальбахъ и, съ отеческой нѣжностію, смотритъ на рѣзвость своей дочери.

— Что стало съ вами, папенька въ нынѣшнее утро? спросила дѣвушка, остановившись передъ герцогомъ въ

ту минуту, какъ на его задумчивомъ лицѣ скользнула улыбка. Вы смотрите на меня съ такимъ таинственнымъ видомъ. О чемъ вы задумались?

— Объ томъ толстомъ пакетѣ, запечатанномъ черною печатью, который, по твоимъ словамъ, отзывается поэзіей среднихъ вѣковъ, сказалъ герцогъ.

— Если такъ, я не стану болѣе и спрашивать объ вашей тайнѣ; навѣрное, этотъ достопочтенный пакетъ не имѣетъ никакого ко мнѣ отношенія, сказала дѣвушка, намѣреваясь снова начать свою рѣзвую прогулку по саду.

— Напротивъ, самое прямое отношеніе, возразилъ герцогъ. Въ этомъ достопочтенномъ пакетѣ только и словъ, что объ моей рѣзвухѣ.

Альбина остановилась, съ изумленіемъ устремивъ на отца свои прекрасные глаза.

— Обо мнѣ? спросила она, приблизившись къ отцу: обо мнѣ? Такъ, покажите мнѣ его папенька. Что же тутъ говорится? скажите поскорѣе.

— Просятъ руки одной дѣвушки.

— Только-то? произнесла дѣвушка, надувъ свои губки.

— Какъ, только-то! возразилъ старикъ съ улыбкою: ты съ такимъ легкомысліемъ говоришь объ этомъ важномъ дѣлѣ!

— Но, папенька, вы напередъ знаете, что я откажу. Всѣ эти вѣнскіе гуси, статскіе совѣтники, тайные совѣтники, причесанные и пустозвонныя головы, рѣшительно не нравятся мнѣ и никогда не понравятся, не такъ ли?

— Но ты забываешь, что это письмо прислано издалека.

— Тѣмъ хуже; тогда надо разлучиться съ вами, а я не хочу оставлять васъ, не хочу! повторила дѣвушка, побѣжавъ за бабочкою, которая порхнула возле нея, какъ цвѣтокъ, сорванный вѣтромъ.

— Лицемерка! улыбаясь произнесъ старикъ, когда его дочь снова явилась въ концѣ аллеи: ты скрываешь настоящую причину твоего отказа.

— Настоящую причину? съ удивленіемъ повторила Альбина. Какая это причина?

— Любовь, которая глубоко запала въ твое сердце.

— Вы все шутите надо мною, папенька, возразила Альбина, приблизившись къ герцогу.

— Да, любовь, къ несчастію, безнадежная, къ Гётцу фонъ-Берлихингенъ, къ рыцарю съ желѣзною

рукою, который, на бѣду, умеръ въ царствованіе Максимилиана.

— Но воскрешенъ поэтомъ, папенька; онъ живеть въ драмѣ Гёте. Это правда, тысячу разъ правда, наперекоръ вашимъ насмѣшкамъ, я люблю его, я обожаю этого простаго и храбраго героя, который любить такъ пламенно и поражаетъ такъ сильно; какъ онъ ни старъ, — а вы всегда говорили, что онъ старикъ, какъ-будто подобные люди знаютъ какой-нибудь возрастъ—да, какъ онъ ни старъ, а все-таки затмѣвается собою всѣхъ нашихъ придворныхъ господчиковъ. Да, Гетцъ фонъ-Берлихингенъ мой любимый герой.

— Дитя! тебѣ только шестнадцать лѣтъ, и ты ищешь себя героя въ шестьдесятъ лѣтъ.

— Въ семьдесятъ, въ восемьдесятъ, если только онъ походить на моихъ храбрыхъ рыцарей Рейна.

— Въ такомъ случаѣ, моя милая Альбина, сказала герцогъ, принявъ болѣе серьезный видъ: все устроилось, какъ-будто нарочно, по твоему желанію; человекъ, который требуетъ твоей руки, выкроенъ по мѣркѣ твоего героя.

— Какая злая шутка, папенька!

— Нѣтъ, правда; взгляни только на подпись письма. Герцогъ вынулъ изъ кармана письмо, развернулъ его и указалъ Альбинѣ на подпись.

— Родольфъ фонъ-Эппштейнъ, сказала дѣвушка.

— Да, моя прекрасная amazonка. Онъ дрался во время семилѣтней войны не хуже рыцарей баснословнаго шестнадцатаго вѣка. Правда, онъ немножко старъ, но что за важность, если только, въ семьдесятъ или въ восемьдесятъ лѣтъ, онъ походить на твоихъ героевъ. Родольфу фонъ-Эппштейну только семьдесятъ два года.

— Уже ли, папенька, вы думаете, сказала дѣвушка съ веселою улыбкою: что я такъ худо знаю свою Германію? Графъ Родольфъ ужъ тридцать лѣтъ женатъ на сестрѣ моей доброй тетуски.

— Ну, если нельзя обмануть твою ученость, надо признаться, что мой старинный другъ проситъ твоей руки для одного изъ своихъ сыновей. Къ несчастію, ему только тридцать лѣтъ и у него еще мало сѣдыхъ волосъ; но будь спокойна, годы прибавятся, посѣдѣютъ и черныя кудри. Прибавь къ этому старинный замокъ въ горахъ Таунусъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ твоего любимаго Рейна, замокъ, гдѣ разсказываютъ самую чудную легенду о какой-то графинѣ, которая выходила изъ могилы.

— Какая это легенда, папенька? Вы знаете ее? спросила дѣвушка, въ глазахъ которой заискрилось любопытство.

— Не совѣмъ. Но твой женихъ расскажетъ тебѣ все подробно; я напередъ объявлю ему, что это единственное средство завоевать твое сердце.

— Мой женихъ, папенька? значить, вы согласны на этотъ союзъ?

— Къ сожалѣнню, такъ, мое бѣдное дитя; я долженъ, скрѣпивъ сердце, лишитъ тебя удовольствія наслаждаться романтической любовью; а какъ очаровательны эти сцены запрещенной любви, тайнаго брака и, наконецъ, прошенія родителей, не правда ли? Но что дѣлать? По старой дружбѣ съ Эппштейнами, я желаю этого брака. Ты скоро увидишь своего жениха, и сама можешь судить о моемъ выборѣ.

— Какъ зовутъ этого гордаго искателя моей руки, который долженъ осуществить моего Гетца? спросила дѣвушка.

— Максимилианъ, отвѣчалъ герцогъ.

— Максимилианъ. Это имя обѣщаетъ многое. Максимилианъ для враговъ, а не для меня. Этотъ человекъ, желѣзный въ битвахъ, долженъ быть нѣженъ въ любви. Какая прелесть дѣлать ручными этихъ львовъ, и однимъ взглядомъ заставлять краснѣть того, кто ужасаетъ своею шпагою.

На другой день послѣ этого разговора, въ которомъ высказалась поэтическая мечтательность Альбины, Максимилианъ фонъ-Эппштейнъ прѣхалъ въ Вѣну. Легко понять, что онъ скорѣе могъ понравиться мечтательной Альбинѣ, чѣмъ герцогу. Герцогъ, — тонкій дипломатъ, который привыкъ приподнимать маски, чтобы видѣть лицо, — нашелъ въ Максимилианѣ болѣе самолюбія, чѣмъ достоинства, болѣе гордости, чѣмъ ума, болѣе расчета, чѣмъ любви. Но Альбина смотрѣла на него сквозь поэтическую призму; его грубость казалась ей рыцарскою простотою, холодность — благородствомъ. Съ дѣтскою довѣрчивостію, она высказывала ему свои мечты о герояхъ, и Максимилианъ старался поддѣлываться подъ ея вкусъ; онъ выказывалъ глубокое презрѣніе къ протоколамъ и политическимъ трактатамъ, за то геройски брелъ своимъ шпорамъ и шпагою. Въ одинъ день, Альбина попросила его рассказать легенду о замкѣ Эппштейнъ. Максимилианъ плохо изучалъ науку краснорѣчія, но бойко владелъ языкомъ; кромѣ того, онъ желалъ понравиться, и по-

тому, рассказалъ исторію своего замка такъ увлекательно, съ такимъ чувствомъ, что совершенно покорила себя романтическую дѣвушку. Вотъ что говорило преданіе о замкѣ Эппштейнъ.

Этотъ замокъ былъ построенъ въ героическія времена Германіи, то есть, въ эпоху Карла-Великаго, какимъ-то графомъ Эппштейномъ. Изъ первоначальной его исторіи сохранилось только пророчество волшебника Мерлина, что каждая графиня фонъ-Эппштейнъ, которая умретъ, въ своемъ замкѣ, въ рождественскую ночь, умретъ только вполночь. Это пророчество долго оставалось необъяснимымъ, покуда не умерла жена одного германскаго императора, которая называлась Эрмангардою. Эрмангарда была соединена нѣжными чувствами дружбы съ графинею Элеонорою фонъ-Эппштейнъ, которая была ея подругою съ самаго дѣтства. Не смотря, что императрица жила въ Франкфуртѣ, а графиня въ своемъ замкѣ, за три или четыре мили отъ города, онѣ видѣлись другъ съ другомъ очень часто, тѣмъ болѣе, что графъ Сигисмундъ, мужъ Элеоноры, занималъ важный постъ при дворѣ. Вдругъ императрица умерла; это случилось въ ночь двадцать-четвертаго декабря 1342 года. Императоръ, обожавшій свою супругу, почтилъ ея остатки всеми знаками своей глубокой грусти. Императрица, во всемъ царскомъ украшеніи, съ короною на головѣ и съ скиптромъ въ рукѣ, была перенесена, на парадномъ ложѣ, въ капеллу. Придворные, сменяясь черезъ каждые два часа, должны были стоять у дверей капеллы, въ которую одно по одному входили всѣ лица, желавшія отдать послѣдній долгъ покойной государынѣ. Каждый преклонялъ колено, цѣловалъ руку умершей и удалялся, уступая свое мѣсто другому. Прошло уже двадцать-четыре часа со времени кончины императрицы, когда дошла очередь до графа Сигисмунда занять охранный постъ у дверей капеллы. Часа черезъ полтора послѣ того, какъ онъ занялъ этотъ постъ, къ величайшему его изумленію, за другими посетителями, явилась графиня Элеонора. Это изумило графа, потому-что никто еще не могъ передать его женѣ печальнаго известія о смерти императрицы. Элеонора, одѣтая въ траурное платье, была блѣдна какъ мертвецъ. Сигисмундъ проводилъ ее въ капеллу и затворилъ дверь. Графъ понималъ, что не обязанность этикета, а требованіе растерзаннаго сердца привело Элеонору къ смертному ложу императрицы, и потому не удивлялся, что графиня оставалась въ

капеллѣ болѣе обыкновеннаго. Но прошло четверть часа, а графиня между-тѣмъ все еще не выходила изъ капеллы. Это встревожило Сигисмунда; онъ боялся, что Элеонора не въ силахъ будетъ вынести подавляющей горести. Не смѣя отворить дверей, потому-что это было бы нарушеніемъ правилъ этикета, онъ наклонился, чтобы посмотрѣть въ замочную скважину. Онъ страшился мысли, что увидитъ свою жену безъ чувствъ возлѣ покойной ея подруги. Но, къ его изумленію, вышло совѣмъ не такъ. Холодный потъ выступилъ на его челѣ, онъ сталъ блѣденъ, какъ трупъ; эта замѣтная перемѣна въ лицѣ не ускользнула отъ взоровъ нѣкоторыхъ придворныхъ, которые ожидали своей очереди. — Что случилось? спрашивали они графа. — Ничего, отвѣчалъ графъ, потирая рукою свой лобъ: ничего, рѣшительно ничего. Придворные снова занялись разговорами, а Сигисмундъ, не довѣряя самому себѣ, въ другой разъ нагнулся къ замочной скважинѣ. Теперь онъ былъ убѣжденъ, что зрѣніе не обмануло его; онъ видѣлъ, что покойная императрица, съ короною на головѣ и скиптромъ въ рукѣ, сидѣла на своемъ ложѣ и дружески разговаривала съ Элеонорою. Сигисмундъ сдѣлался еще блѣднѣе, чѣмъ прежде.

Почти въ ту же минуту графиня вышла изъ капеллы. Сигисмундъ заглянулъ въ отворенную дверь и увидѣлъ, что императрица снова неподвижно покоилась на своемъ смертномъ ложѣ. Онъ подалъ женѣ руку и проводилъ ее до подъѣзда; въ это время онъ сдѣлалъ ей два-три вопроса, но ему не отвѣчали; долгъ призывалъ его къ прежнему посту еще минутъ на десять. Придворные, другъ за другомъ, входили въ капеллу, и каждый разъ графъ заглядывалъ въ замочную скважину; но императрица всегда оставалась неподвижною. Пробыло два часа, графъ уступилъ свой постъ другому и тотчасъ бросился къ императору, который, въ глубокомъ отчаяніи, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ваше величество, вскричалъ графъ, не убивайте себя горестію, но скорѣе пошлите къ императрицѣ вашего доктора; императрица не умерла.

— Что вы говорите, Сигисмундъ? вскричалъ императоръ.

— Я говорю то, что сейчасъ видѣлъ собственными глазами, ваше величество; я видѣлъ, что императрица сидѣла на своемъ смертномъ ложѣ и разговаривала съ графинею фонъ-Эппштейнъ.

— Съ какою графинею фонъ-Эппштейнъ? спросилъ императоръ.

— Съ графинею Элеонорою фонъ-Эппштейнъ, моею женою.

— Бѣдный мой другъ! сказалъ императоръ, покачавъ головою: ваша горестъ разстроила ваши способности.

— Что вы хотите сказать, ваше величество?

— Графиня фонъ-Эппштейнъ! Да поможетъ вамъ самъ Богъ перенести это несчастье!

— Графиня фонъ-Эппштейнъ? съ безпокойствомъ повторилъ Сигисмундъ.

— Графиня фонъ-Эппштейнъ умерла нынче утромъ.

Графъ Сигисмундъ вскрикнулъ. Онъ побѣжалъ домой, сѣлъ на коня, проскакалъ по улицамъ Франкфурта какъ сумасшедшій, и черезъ полчаса былъ въ замкѣ Эппштейнъ.

— Графиня Элеонора! вскричалъ онъ, графиня Элеонора!

Ему отвѣчали одними слезами. Онъ бросился въ комнату. Графиня, блѣдная, одѣтая въ траурное платье, какъ онъ видѣлъ ее во дворцѣ, лежала на своей постелѣ; капелланъ читалъ молитвы. Графиня умерла еще утромъ. Гонимый, отправленный изъ замка, не заставъ графа въ его городскомъ домѣ, явился съ печальною новостію къ императору. Графъ спросилъ, не замѣчали ли въ графинѣ какого-нибудь движенія въ полночь, когда она скончалась. — Никакого, отвѣчали ему. Потомъ онъ спросилъ капеллана: выходилъ ли онъ изъ комнаты? — Ни на одну секунду, отвѣчалъ капелланъ. Тогда графъ вспомнилъ, что тогда была рождественская ночь, вспомнилъ и пророчество Мерлина, что графини фонъ-Эппштейнъ, которыя умрутъ въ эту ночь, умрутъ только вполночь. Элеонора еще первая умерла въ роковую ночь. Смерть любимой супруги повергла графа въ жестокую болѣзнь; говорятъ, что графиня, на долю которой досталось преимущество имѣть сообщеніе съ живыми, нѣсколько разъ навѣщала своего большаго супруга. Черезъ годъ послѣ этого, Сигисмундъ вступилъ въ одинъ монастырь, оставивъ своему старшему сыну свои титулы и владѣнія.

Покойная графиня, говорили, являлась своему супругу въ комнатѣ замка, которая называлась красною. Изъ этой комнаты потаенная дверь и лѣстница вели къ могильному склепу графовъ фонъ-Эппштейнъ. Было преданіе, что графиня Элеонора, являлась, въ

важныхъ случаяхъ жизни, старшимъ изъ фамилиі Эппштейновъ, до четвертаго колѣна. Послѣ того уже не видѣли графини; но преданіе сохранилось въ замкѣ, и старшій изъ рода Эппштейновъ обыкновенно долженъ былъ спать въ красной комнатѣ. Впрочемъ, кромѣ Элеоноры, еще ни одна графиня не умирала въ рождественскую ночь.

Можно представить, какое впечатлѣніе произвелъ на Альбину подобный разговоръ. Она съ жадностію ловила каждое слово изъ этой легенды, и мечтая, что сама будетъ называться графиней фонъ-Эппштейнъ и будетъ жить въ древнемъ замкѣ, современномъ Карлу Великому, переносилась въ свои любимыя средніе вѣка, какъ будто принадлежала, въ самомъ дѣлѣ, къ той эпохѣ. Максимилианъ, впрочемъ, чувствовалъ, что онъ не подержитъ роли, которую разыгрывалъ въ глазахъ Альбины. Къ счастью, какое-то дѣло отозвало его черезъ двѣ недѣли въ замокъ Эппштейнъ; онъ уѣхалъ, получивъ согласіе герцога на желанный союзъ, хотя свадьба была отложена на одинъ годъ. Въ этотъ продолжительный промежутокъ времени, Максимилианъ не разъ навѣщалъ Вѣну, но все не надолго, потому-что семейственныя обстоятельства требовали его присутствія въ замкѣ. Сначала умерла его мать, потомъ, за подругою своей жизни послѣдовалъ и старшій Родольфъ. Альбина мечтала сдѣлаться гениемъ-утѣшителемъ своего Максимилиана, угнетеннаго тяжкими горестями; она желала скорѣе поселиться въ опустѣвшемъ замкѣ, чтобы оживить его своимъ присутствіемъ. Часто приходила ей на мысль легенда о графинѣ Элеонорѣ, и она желала умереть въ рождественскую ночь, чтобы наследовать преимущество счастливой Элеоноры, — выходить изъ могилы, для утѣшенія супруга. Въ концѣ 1791 года, въ Вѣнѣ отпраздновали блистательную свадьбу Максимилиана и Альбины, и молодые супруги скоро отправились въ замокъ Эппштейнъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда Альбины, герцогъ фонъ-Швальбахъ умеръ отъ апоплексическаго удара, какъ-будто покровительство отца уже стало бесполезно для его дочери. Это была первая печаль въ жизни Альбины, обреченной, съ-тѣхъ-поръ, на непрерывныя горести.

III.

Годъ спустя, въ замкѣ Эппштейнъ, такъ же, какъ и въ политическомъ мірѣ, все измѣнилось: Альбина трепетала передъ Максимилианомъ, Европа передъ Франціею. Революція еще не разразилась со всей яростію, но король Французовъ былъ уже въ темницѣ; прирейнскія провинціи наводнились французскими войсками; Майнцъ былъ взятъ; Франкфурту грозила та же опасность. Мечты Альбины исчезали одна за другою; благородный рыцарь, о которомъ она мечтала, явился въ настоящемъ своемъ видѣ. Альбина сначала страдала, но потомъ безропотно покорилась судьбѣ.

Французскія войска скоро явились на берегахъ Майна. Франкфуртъ не долго могъ устоять противъ силы непріятеля и графъ фонъ-Эппштейнъ, владѣтель замка, смежнаго съ театромъ войны, подвергался опасности попасть въ плѣнъ. Къ счастью, его призывали въ Вѣну. Графъ видѣлъ необходимость оставить свой замокъ, но промедлялъ въ немъ слишкомъ долго. Когда онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, дорога была перерѣзана войсками; присутствіе Альбины могло только увеличить опасности его бѣгства. Максимилианъ рѣшился оставить свою жену въ замкѣ, не смотря на ея слезы и заклинанія. Альбина повиновалась. Максимилианъ, переодѣтый въ крестьянское платье, счастливо добрался до Вѣны. Черезъ три дня послѣ его отъѣзда, эта радостная вѣсть дошла до замка Эппштейнъ, гдѣ между-тѣмъ случилось одно происшествіе, которое имѣло ужасное вліяніе на жизнь Альбины.

Прежде, чѣмъ приступили къ Франкфурту, Французы рѣшились занять дефиле Таунуса. Эта предосторожность была необходима: въ лѣсистыхъ горахъ, невдалекѣ отъ замка Эппштейнъ, была открыта засада. Послѣ кровопролитной схватки, непріятель, очистивъ дефиле, торжественно вступилъ въ Франкфуртъ. Въ этой схваткѣ, съ обѣихъ сторонъ, погибло много солдатъ и храбрыхъ офицеровъ. Въ числѣ послѣднихъ, Французы считали одного молодого капитана, извѣстнаго подъ именемъ капитана Жака. Жакъ былъ лице замѣчательное тѣмъ, что, переправившись черезъ Рейль и вступивъ на почву Германіи, онъ бросилъ свою шпагу въ рѣку и съ-тѣхъ-поръ носилъ лишь пустыя ножны; не смотря на то, своей храбростію, хладнокровіемъ и знакомствомъ съ мѣстностію, онъ оказалъ важ-

ныя услуги своимъ соотечественникамъ. Онъ первый бросился на засаду, но за свою отвагу едва было не поплатился жизнью: пуля ранила его въ лобъ, и его оставили на полѣ сраженія, въ числѣ убитыхъ. Вечеромъ, одинъ изъ служителей замка Эппштейнъ, возвращаясь изъ Фалькенштейна, вдругъ услышалъ стоишь умирающаго воина и, по этому стону, отыскалъ капитана Жака. При помощи двухъ крестьянъ, онъ перенесъ раненаго въ замокъ, гдѣ добрая Альбина приказала принять его со всѣмъ германскимъ добродушіемъ. Капельманъ, хорошо знакомый съ медициною, осмотрѣвъ рану молодого офицера, надѣялся возвратить его къ жизни. Альбина съ нѣжнымъ участіемъ заботилась о несчастномъ капитанѣ, сначала потому, что она была женщина, и каждая скорбь ближняго трогала ея сердце; кромѣ того, присутствіе капитана охраняло замокъ отъ мародеровъ французской арміи. Когда эти грабители появились передъ воротами замка, Жакъ, не смотря на чрезвычайную слабость, всталъ съ своей постели, вышелъ къ буйной толпѣ, и его голосъ спасъ замокъ отъ грабежа и буйства. Съ-этихъ-поръ, графиня удвоила свои заботы о человѣкѣ, которому была обязана спасеніемъ жизни, а быть-можетъ и болѣе чѣмъ жизни. Съ другой стороны, капитанъ Жакъ имѣлъ сердце благородное, рыцарское, котораго Альбина искала въ герояхъ своей мечты. Въ одномъ только можно было упрекнуть храбраго капитана, въ его всегдашней меланхолиі и не совѣмъ воинственной извѣженности; но грусть такъ шла къ его блѣдному лицу, а по храбрости, онъ слылъ львомъ. Понятно, какъ подобный характеръ гармонировалъ съ мечтами Альбины, и не удивительно, что искренняя, самая чистая привязанность скоро возникла между графиней и французскимъ офицеромъ. Они часто проводили вмѣстѣ по нѣсколькимъ часамъ, шутили, разговаривали и не замѣчали, какъ летѣло время.

Жакъ былъ какъ-будто пробужденъ отъ сладкаго сна, когда получилъ приказаніе оставить замокъ, чтобы, съ своимъ корпусомъ, возвратиться во Францію. Два мѣсяца его пребыванія въ замкѣ прошли, какъ одна часть. Альбина проводила капитана до самаго крыльца; здѣсь онъ поцѣловалъ руку графини и называлъ ее сестрою; Альбина пожелала ему всего счастья, назвавъ его своимъ братомъ, потомъ слѣдовала за нимъ своими взорами, дѣлая ему знаки платкомъ, покуда онъ не скрылся изъ виду.

Черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Жака, Альбина получила письмо отъ своего мужа, который писалъ, что скоро возвратится въ замокъ. Графиня приказала одному изъ слугъ, Тобию, отправиться, съ двумя верховыми лошадьми, въ Франкфуртъ, и ожидать тамъ пріѣзда графа Максимилиана. Эта нѣжная заботливость Альбины, на глаза гордаго Максимилиана, была просто обязанностію его жены. Онъ съѣлъ на одного коня и, въ сопровожденіи Тобіи, отправился въ замокъ. Натурально, при выѣздѣ изъ города, первая мысль графа была о пребываніи Французовъ въ окрестностяхъ замка.

— Итакъ, сказалъ Максимилианъ, приказавъ своему слугѣ вѣхать возлѣ себя: Французы не смѣли безпокоить нашего замка, какъ писала мнѣ графиня?

— Да, господинъ графъ, отвѣчалъ Тобіа: но только благодаря покровительству капитана Жака; безъ него худо пришлось бы намъ отъ Французовъ.

— Кто этотъ капитанъ Жакъ? спросилъ Максимилианъ. Графиня ни разу не писала мнѣ объ немъ. Какой-нибудь раненный?

— Да, сударь. Гансъ нашелъ его при смерти, не далеко отъ замка. Господинъ аббатъ и госпожа графиня такъ заботились объ его выздоровленіи, что черезъ мѣсяць онъ совершенно оправился.

— И тогда оставилъ замокъ? спросилъ Максимилианъ, нахмуривъ брови.

— Нѣтъ, онъ прожилъ еще мѣсяць.

— Еще мѣсяць! Что же онъ дѣлалъ?

— Ничего; почти всегда онъ оставался въ комнатѣ графини, и только вечеромъ выходилъ прогуливаться въ паркъ.

У Максимилиана поблѣднѣли губы; но голосъ его нисколько не измѣнился.

— Давно ли онъ уѣхалъ? спросилъ графъ.

— Дней восемь или десять назадъ.

— А какой онъ былъ собою: молодъ или старъ, красавецъ или какой-нибудь уродъ?

— Ему было лѣтъ двадцать-шесть или двадцать-восемь; бѣлокурый, блѣдный, всегда какой-то печальный.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ, кусая губы: ему можно было очень соскучиться въ замкѣ.

— Нѣтъ, господинъ графъ, онъ имѣлъ видъ грустный, но совѣмъ не скучный.

— Конечно, продолжалъ Максимилианъ, его навѣщали товарищи и развлекали нѣсколько его скуку.

— О, нѣтъ; раза два только приходилъ въ замокъ его квартирмейстеръ, и то, не по приглашенію, а съ приказами полковника.

— Попимаю, онъ охотился.

— Онъ ни разу не бралъ и ружья въ свои руки.

— Такъ что же онъ дѣлалъ? спросилъ графъ, усиливаясь скрыть свое бѣшенство, тогда-какъ дрожавшіи голоса начинали измѣнять ему.

— Что дѣлалъ? Разказать это не долго. Утромъ онъ, словно ребенокъ, забавлялся съ Альбертомъ, либо, какъ старикъ, бесѣдовалъ съ аббатомъ; послѣ завтрака, занимался музыкою, либо пѣлъ вмѣстѣ съ графинею, которая играла на клависинѣ; а пѣли они словно два ангела; мы часто слушали ихъ у дверей залы; послѣ концерта, начиналось чтеніе, а вечеромъ, какъ я уже сказалъ, — только это было рѣдко, — онъ прогуливался въ саду.

— Вотъ чудакъ, сказалъ графъ съ ядовитою улыбкою: играть съ дѣтьми, философствуетъ со стариками, распѣваетъ съ женщинами и наконецъ прогуливается одинъ.

— Одинъ? нѣтъ, возразилъ Тобія: графиня всегда была вмѣстѣ съ нимъ.

— Всегда? повторилъ графъ.

— По-крайней-мѣрѣ, почти всегда.

— И это все, что ты знаешь объ этомъ офицерѣ? И ничего объ его происхожденіи, объ его фамилиі? Онъ дворянинъ или изъ простыхъ; богатъ или бѣднякъ? Отвѣчай.

— Что до этого, я рѣшительно не знаю ничего; но графиня, конечно, можетъ сказать вамъ все, о чемъ вы спрашиваете.

— Откуда пришла тебѣ въ голову эта мысль? спросилъ Максимилианъ, бросивъ суровый взглядъ на нескромнаго разскащика.

— Очень просто, отвѣчалъ Тобія: графиня и молодой офицеръ, думаю, давно были закомы другъ съ другомъ.

— Почему ты такъ думаешь, господинъ физиономистъ, сказалъ Максимилианъ шутливымъ тономъ.

— Потому-что графиня называла этого офицера Жакомъ, а онъ называлъ графиню Альбиною.

Максимилианъ замаяхнулся бичемъ, чтобы хлыснуть по лицу болтливаго наблюдателя, но подавилъ свое бѣшенство.

— Хорошо, сказалъ онъ, хлыснувъ коня вмѣсто Тобія: только это я и хотѣлъ узнать, графиня доскажетъ остальное.

Графъ поѣхалъ впередъ, Тобія слѣдовалъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи. Лице Максимилиана было спокойно, но мрачныя подозрѣнія пожирали его сердце. Не доставало еще вѣрнаго доказательства въ преступленіи Альбины, и графъ, погоняя лошадь, бормоталъ сквозь зубы: Одно доказательство ея безчестія, — и я уничтожу преступницу! Доѣхавъ до аллеи, которая вела къ замку, онъ увидѣлъ Альбину, ожидавшую его на крыльцѣ, и судорожно кольнулъ шпорами свою лошадь. Бѣдная графиня думала, что Максимилианъ пустился въ галопъ потому, что нетерпѣливо желалъ увидѣться съ нею. Въ ту минуту, какъ графъ сошелъ съ лошади, Альбина, съ искреннею радостію, обняла его.

— Прости меня, мой другъ, сказала она, прижимая графа къ своей груди, прости, что я не встрѣтила тебя въ городѣ: я не такъ здорова. Но что съ тобою? ты, кажется, такъ озабоченъ. Политическія дѣла, да? О, твое чело прояснится радостію. Пойдемъ, Максимилианъ, я скажу тебѣ одну тайну, сладкую тайну, которую я съ упоеніемъ повторяла въ твое отсутствіе, которую я не хотѣла даже доверить письму, чтобы самой имѣть удовольствіе обрадовать тебя. Выслушай, Максимилианъ, и прогони прочь эту мрачную думу: теперь ты обнимаешь твою жену, а черезъ шесть мѣсяцевъ, будешь обнимать твое дитя!

IV.

Мы оставимъ, на нѣсколько времени, древній замокъ графа Максимилиана и заглянемъ въ скромное жилище егермейстера Гаспара. Домикъ егермейстера, съ которымъ мы уже нѣсколько знакомы, стоялъ во ста шагахъ отъ рѣшетки парка. Не смотря на свою ветхость, онъ казался юнымъ, улыбающимся. Стѣны изъ краснаго кирпича, темно-зеленые ставни и наконецъ виноградныя лозы, прихотливо обвивавшіяся кругомъ стѣнъ, все это сливалось въ очаровательную гармонию; четыре

большія липы передъ воротами, гостепріимная скамья у воротъ, ручеекъ, прелестный садикъ, — все это манило, услаждало взоръ. Во внутренности домика видѣлись порядокъ и чистота.

Гаспаръ, былъ егермейстеромъ графа Родольфа, съ 1750 года; онъ женился на сорокъ первомъ году своей жизни, но черезъ пять лѣтъ счастливаго союза, оплакалъ смерть своей жены, которая оставила на его рукахъ двухъ малютокъ, Вильгельмину и Нозми. Сиротки, взросшія подъ отеческимъ надзоромъ Гаспара, обѣ были равно прекрасны, обѣ равно трудолюбивы, только Вильгельмина была гораздо веселѣе, а Нозми болѣе задумчива. Когда Вильгельминѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, Гаспаръ отдалъ ея руку Ионатану, котораго любилъ за ловкость и счастье на охотѣ. Вильгельмина съ покорностію исполнила волю родителя. Но что до Нозми, она упрямо отказывалась отъ всѣхъ жениховъ: сладкій взглядъ Конрада фонъ Эппштейна уже пронизалъ ея сердце; блѣдный молодой человекъ, котораго она встрѣчала иногда въ лѣсу, занималъ всѣ ея мысли. Разъ, сильная буря заставила Конрада искать пріюта въ домѣ егермейстера, и съ-тѣхъ-поръ, ободренный радушиемъ пріемамъ отца, очарованный красотою дочери, Конрадъ навѣщалъ ихъ сперва каждую недѣлю, потомъ каждый день. Гаспаръ, человекъ простой, но съ здравымъ смысломъ, не могъ не замѣтить сердечныхъ чувствъ Нозми, и онъ, безъ церемоній, выпроводилъ бы изъ дома какого-нибудь повѣсу; но строгій и достойный характеръ молодого ученаго, какъ обыкновенно называли Конрада, внушалъ егермейстеру довѣренность и почти уваженіе. Въ отсутствіе Конрада, Гаспаръ говорилъ объ немъ съ негодованіемъ, но лишь появлялся этотъ благородный гость, старикъ бралъ шляпу и удалялся. Остальное намъ извѣстно. Узнавъ о тайномъ бракѣ своей дочери, вѣрный слуга трепеталъ только гнѣва своего господина. Впрочемъ, онъ легко оправдался предъ благороднымъ Родольфомъ; но долженъ былъ разстаться съ своею дочерью. Это растерзало сердце добраго старика. Нозми имѣла столько сходства съ его женою, что, простившись съ нею, онъ какъ-будто въ другой разъ схоронилъ свою подругу. Но, какъ добрый христіанинъ, онъ покорно преклонилъ голову передъ волею Провидѣнія. Нозми уѣхала; прошли дни, мѣсяцы и годы, а отъ Нозми не было ни одного письма; знали только, что она жила во Франціи. Одна

утѣха осталась Гаспару — его Вильгельмина съ своимъ мужемъ.

Когда Альбина поселилась въ замкѣ Эппштейнъ, добрая Вильгельмина сдѣлалась ея собесѣдницею. Ревность Максимилиана не позволяла Альбинѣ посѣщать окрестныя замки, но не запрещала входить въ бѣдныя хижины, и графиня находила болѣе пріятностей въ улыбающемся домикѣ егермейстера, чѣмъ въ своей мрачной крѣпости. Въ комнатахъ Вильгельмины, гдѣ благоухали прелестныя цвѣты, гдѣ распѣвали веселыя птички, Альбина припоминала счастливые дни своей юности, проведенные въ виллѣ Винкель. Правда, эта дружеская связь двухъ женщинъ, различныхъ по состоянію и рожденію, была прервана на нѣсколько времени, когда явился въ замкѣ капитанъ Жакъ. Въ это время Альбина, по строгому приказанію Максимилиана, не могла оставлять замка; а страдающее сердце требовало нѣжнаго участія въ своихъ страданіяхъ, и графиня нашла это участіе въ капитанѣ. Въ одинъ вечеръ, капитанъ разсказалъ ей исторію своей жизни. Безъ сомнѣнія, его разсказъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ графини, потому-что съ-тѣхъ-поръ началась самая искренняя между ними дружба. Альбина не жалѣла тогда о своихъ прогулкахъ въ лѣсу и не такъ часто приглашала къ себѣ Вильгельмину. Но когда капитанъ Жакъ оставилъ замокъ, Альбина снова сблизилась съ Вильгельминою и даже довѣрила ей — и только ей одной, — радостную тайну, съ которою она встрѣтила своего мужа. Жена Ионатана тоже надѣялась скоро сдѣлаться матерью, и это для обѣихъ женщинъ было предметомъ плановъ, мечтаній, надеждъ. Среди этихъ мечтаній и плановъ молодыхъ женщинъ, графъ Максимилианъ возвратился изъ Вѣны.

На другой день, по пріѣздѣ графа, Вильгельмина, по обыкновенію, пришла въ замокъ и желала видѣть Альбину. Но ей отвѣчали, что графиня не будетъ болѣе никого принимать; это было приказаніе графа. Бѣдная женщина настаивала на своей просьбѣ; ее почти прогнали. Въ слезахъ и съ тревожнымъ сердцемъ она возвратилась домой.

Съ этихъ поръ, графъ Максимилианъ, не слишкомъ страстный охотникъ въ прежне время, рѣшительно каждый день выѣзжалъ на охоту, въ сопровожденіи Ионатана и выказывалъ какую-то дикую свирѣпость, какъ-будто его мучила жажда чужихъ страданій. Онъ съ наслажденіемъ любовался, какъ собаки пожирали за-

травленнаго оленя или дикую козу, и, всегда угрюмый, молчаливый, онъ хохоталъ при этомъ зрѣлищѣ.

Насталъ день Рождества Христова. Ионатанъ, по обыкновению, отправился въ замокъ и ожидалъ, когда графъ выйдетъ на охоту. Но напрасно онъ ждалъ своего господина около двухъ часовъ; Максимилианъ не показывался. Въ это время прибѣжалъ къ нему одинъ крестьянинъ и позвалъ его домой; Ионатанъ побѣжалъ въ свою хижину, и въ ту минуту, какъ онъ переступилъ черезъ порогъ, новорожденная дочь привѣтствовала его своимъ крикомъ. Первая мысль Вильгельмины была о Ионатанѣ, вторая объ Альбинѣ. — Извѣстите, графиню, сказала она; ей отвѣчали только слезами и молчаніемъ. Въ эту ночь въ замкѣ произошла ужасная сцена.

V.

Альбина думала, что, когда она выскажетъ своему мужу заветную тайну, Максимилианъ съ восторгомъ прижметъ ее къ своей груди и раздѣлитъ ея материнскую радость. Вотъ почему, съ радостною улыбкою, она сообщила ему свою тайну, и съ дѣтскимъ простодушіемъ хотѣла прочитать на его лицѣ пріятное впечатлѣніе, произведенное этою новостію. Но она жестоко обманулась. Максимилианъ, услышавъ неожиданную новость, поблѣднѣлъ и съ яростію сжалъ руку, которую протянула ему Альбина; потомъ, безмолвный, мрачный, онъ быстро удалился отъ своей жены. Альбина какъ-будто окаменѣла; неподвижно стояла она на одномъ мѣстѣ, и, приложивъ руку къ челу, старалась собрать свои мысли. Черезъ нѣсколько минутъ, она возвратилась въ свои покои. Тоска сдавила сердце бѣдной графини; она не могла объяснить себѣ поведенія Максимилиана; теряясь въ ужасныхъ, мучительныхъ сомнѣніяхъ, она трепетала при малѣйшемъ шумѣ. Черезъ часъ, отворилась дверь, вошелъ слуга и подаль Альбинѣ письмо; это письмо было отъ Максимилиана. Вотъ его содержаніе:

«Я рѣшаюсь объявить вамъ свою волю, выслушайте. Вы никогда не должны оставлять стѣнъ замка, не должны и видѣться со мною. Можете прогуливать-

ся по лугу или въ саду, когда меня не будетъ дома, а я стану уѣзжать каждый день; но порука—ваша жизнь, что я не позволю вамъ сдѣлать далѣе ни одного шага. Еще я требую, чтобы вы не писали никому писемъ и чтобы ваша Вильгельмина не показывалась болѣе въ замкѣ. Вы знаете меня, повинуйтесь; опасайтесь раздражить меня; я не отвѣчаю за послѣдствія своего гнѣва.»

«Максимилианъ фонъ-Эппштейнъ.»

Прочитавъ это письмо, Альбина почувствовала всю тягость своей горькой судьбы, и съ самоотверженіемъ покорилась своей участи. Она не знала, въ чемъ обвиняютъ ее; но, сознавая свою невинность, рѣшилась спокойно ожидать времени, когда Максимилианъ раскается въ своемъ заблужденіи. Но гнѣвъ такого человѣка, какъ Максимилианъ, не можетъ погаснуть, покуда не достигнетъ своей цѣли. Графъ чувствовалъ это и самъ трепеталъ своего гнѣва. Въ первую минуту ярости, онъ готовъ былъ разомъ убить Альбину; но это значило открыть свое безчестіе, и онъ осудилъ ее покуда на заключеніе. Онъ выжидалъ времени для своего мщенія.

Супруги жили подъ одною кровлею; каждое утро и каждый вечеръ Альбина слышала медленные, тяжелые шаги графа, который проходилъ по корридолу; но онъ ни разу не останавливался у ея дверей. Нѣсколько мѣсяцевъ, они не видѣлись другъ съ другомъ; но они постоянно думали одинъ объ другомъ. Максимилианъ напрасно старался разсѣять мрачныя идеи; онъ не могъ забыть безчестія, въ которомъ подозрѣвалъ свою жену. Альбина искала утѣшенія въ своей совѣсти и покорности Провидѣнію; но поведеніе графа, противъ ея воли, тревожило непрестанно, днемъ, ея надежды, ночью—ея мечты. Наружное спокойствіе супруговъ походило на тишину, предшествующую бурѣ.

Альбина наконецъ рѣшилась идти на встрѣчу опасности, рѣшилась потребовать объясненія у своего мужа. Она предчувствовала, даже была убѣждена, что эта встрѣча съ Максимилианомъ будетъ послѣднимъ ея свиданіемъ съ нимъ въ этой жизни. Вотъ что она писала прежде, чѣмъ потребовала объясненія отъ своего мужа.

«Добрая Вильгельмина, мнѣ запрещено не только видѣться съ тобою, но даже и писать къ тебѣ; и это письмо будетъ послано къ тебѣ не иначе, какъ послѣ

моей смерти. Смерть, кажется, должна избавить меня отъ долга повинновенія.

«Не удивляйся этимъ грустнымъ думамъ, Вильгельмина; въ моемъ положеніи надо предвидѣть все, и я не хочу оставить земли, не высказавъ тебѣ своихъ чувствъ и мыслей.

«Боже мой! я не знаю, почему лютую изъ моего пера печальныя слова; между-тѣмъ я спокойна, весела. Въ эту минуту, я даже улыбаюсь надъ нашими планами, которые мы составляли за нѣсколько мѣсяцевъ. Помнишь ли ты ихъ, Вильгельмина? Ты обѣщала быть кормилицею моего дитяти. Не забывай этого обѣщанія. Но это не все. Если Богу будетъ угодно призвать меня къ себѣ, я увѣрена, что графъ Максимилианъ позаботится о воспитаніи моего ребенка; но образовать душу слумѣеть одна только женщина. Бѣдный сиротка! взлѣль его своею любовію. Будь для него не только кормилицею, но и матерью.

«Я оставляю еще два письма, одно къ игуменьѣ Доротее, а другое къ маіору Книбису, въ Вѣнѣ. Если у тебя родится дочь, отправь ее, на пятомъ или шестомъ году, къ доброй игуменьѣ, съ моимъ письмомъ: тамъ твоя дочь получитъ прекрасное воспитаніе. Если у тебя будетъ сынъ, отправь его къ маіору: этотъ искренній другъ моего отца устроитъ судьбу твоего сына.

«Я желала бы, чтобы у насъ обѣихъ было по одному сыну или по одной дочери: тогда наши дѣти были бы братьями или сестрами. Сдѣлай для моего малютки, въ случаѣ моей смерти, все, что сдѣлала бы я для твоего, если бы осталась жива.

«Прощай, моя Вильгельмина! Но я убѣждена, что души не умираютъ, и моя душа не забудетъ того, кто призритъ мое дитя. Для моего бѣднаго ангельчика, я вложу въ это письмо локоны моихъ волосъ. Прости, еще разъ прости! Не забывай ничего.

«Альбина фонъ-Эппштейнъ, урожденная Швальбахъ. 24 Декабря 1793 года.

«P. S. Я забыла сказать. Если у меня будетъ сынъ, я желаю, чтобы онъ назывался Эверардомъ, по имени моего отца; а если дочь, желаю, чтобы она носила имя моей матери, Ида.»

Написавъ это письмо, Альбина сдѣлалась нѣсколько спокойнѣе. Ни что такъ не облегчаетъ растерзаннаго сердца, какъ рѣшительность; а Альбина рѣшилась прервать упорное, страшное молчаніе съ Максимилианомъ,

хотя бы первое его слово поразило ее смертію. Пропшелъ день, настала ночь; графиня зажгла нѣсколько восковыхъ свѣчей; ей казалось, что чѣмъ свѣтлѣе будетъ освѣщена комната, тѣмъ яснѣе будетъ сіять ея спокойствіе и невинность. Въ привычный часъ, раздались шаги Максимилиана. Она отворила дверь и вышла въ корридолъ. Графъ показался на верху лѣстницы; впереди его шелъ слуга и освѣщавъ ему путь. Замѣтивъ Альбину, графъ остановился въ изумленіи. Слуга продолжалъ свой путь. Максимилианъ хотѣлъ молча пройти мимо, но Альбина схватила его за руку, и этотъ желѣзный человѣкъ задрожалъ отъ прикосновенія ея руки.

— Что вамъ угодно? сказалъ онъ.

— Одну минуту, переговорить съ вами, графъ, отвѣчала Альбина.

— Когда?

— Сейчасъ, если вамъ угодно.

— Альбина! произнесъ грозно Максимилианъ.

— Я прошу васъ.

— Помните мой совѣтъ; не будите моего гнѣва. Но такъ и быть... повинуюсь вамъ.

Они взглянули другъ на друга, при трепетномъ свѣтѣ факела; они оба были блѣдны. Настала рѣшительная минута.

— Альбина, сказалъ графъ дрожащимъ голосомъ: есть еще время, скажите, чтобы я удался въ свою комнату; я вижу, что вы разстроены, предупреждаю васъ, что я не отвѣчаю за себя. Подумайте, не лучше ли отложить наше объясненіе?

— Нѣтъ, отвѣчала графиня; я долго ждала и страдала, мнѣ нечего бояться. Слѣдуйте за мною, прошу васъ.

Графъ послѣдовалъ за Альбиною. Когда онъ вошелъ въ комнату, Альбина заперла дверь. Это изумило графа.

— Альбина, сказалъ онъ, берегитесь, я потребую строгаго отчета во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ.

— И я также, сказала графиня. Вы можете клеветать на меня послѣ, если угодно.

— Говорите, отвѣчалъ графъ. Но вы такъ блѣдны и разстроены. Сядьте, сдѣлайте одолженіе, прибавилъ онъ съ ужасною любезностію и подаль своей женѣ кресла.

Графиня села. Максимилианъ стоялъ, съ сложными руками и съ мрачнымъ взоромъ. Они были въ красной ком-

натъ, которую занимала графиня въ отсутствіе своего мужа, и которую Максимилианъ предоставилъ ей, послѣ своего возвращенія.

— Графъ, начала Альбина послѣ минутнаго молчанія: въ родительскомъ домѣ я была счастлива, спокойна, любима; я смѣялась, бѣгала, играла; радость наполняла мою душу, мое сердце билось отъ блестящей мечты. И эта мечтательность погубила меня. Явились вы, и я нашла въ васъ героя своимъ думъ. Я считала васъ человекомъ благороднымъ, храбрымъ, пламеннымъ; но вы женились на мнѣ только для богатства и для титула.

— Альбина! прервалъ графъ глухимъ голосомъ.

— Какъ скоро я сдѣлалась вашею женою, продолжала Альбина, вы не хотѣли даже поддержать моего самообольщенія. Я видѣла, какъ увядали, одна за другою, мои мечты. Я искала отрады въ покорности судьбѣ, въ самоотверженіи; но я могла снести забвеніе, а не ненависть, холодность, но не презрѣніе. Я не упрекаю васъ за обманутыя надежды, за разрушенныя мечты, не требую любви, когда ея нѣтъ въ вашемъ сердцѣ; но я имѣю право требовать вашего уваженія; я не хочу краснѣть передъ моими людьми. Лишняя ли я требую? отвѣчайте.

— Вы кончили? отвѣчалъ Максимилианъ. Теперь моя очередь, если позволите.

— Я слушаю васъ.

— Начну съ того, что я оставляю въ сторонѣ ваши дѣтскія мечты; время для человека слишкомъ дорого, чтобы тратить его на подобныя химеры, и если я не осуществилъ вашихъ грезъ, то осуществили ли вы планы моего самолюбія?

— Батюшка! батюшка! вы предсказывали это, вскричала Альбина. Этотъ честолюбецъ всѣми силами лобивается большаго креста и титула герцога! и онъ называетъ это самолюбіемъ! онъ говоритъ мнѣ о своемъ самолюбіи!

— Остановитесь! сказалъ графъ, побагровѣвъ отъ гнѣва и топнувъ ногою. Это еще не все; вы знаете, о чемъ идетъ дѣло.

— Нѣтъ, не знаю, и для того, чтобы узнать, я желала говорить съ вами.

— Ну, такъ я скажу вамъ. Я довѣрилъ вамъ мое имя и мою честь; — что вы сдѣлали изъ этого? Не обманывайте меня, не принимайте этого вида невинности. Вопросъ ясный, отвѣчайте на него прямо.

— Я не обманывала никогда, даже въ ничтожныхъ случаяхъ.

— Послѣ этого, скажите мнѣ, вѣрная супруга, скажите, кто такой этотъ Французъ, этотъ капитанъ Жакъ? спросилъ графъ съ злою насмѣшкою.

Теперь, Альбина поняла все; она улыбнулась и взглянула на графа съ видомъ сожалѣнія.

— Капитанъ Жакъ, сказала она, это раненный офицеръ, которому я спасла жизнь, и который, быть-можетъ, спасъ мнѣ честь.

— А! такъ вотъ почему онъ называлъ васъ Альбиною, а вы его — Жакомъ; вотъ почему вы называли его: мой другъ, а онъ называлъ васъ: моя сестра; вотъ почему, онъ всегда былъ въ этой комнатѣ вмѣстѣ съ вами; вотъ почему, наконецъ, вы плакали, когда онъ уѣхалъ.

— Графъ!... съ достоинствомъ произнесла графиня, вставъ съ своего мѣста.

— О! не разыгрывайте этой гордости, не улыбайтесь съ такимъ презрѣніемъ. Если одинъ изъ насъ долженъ презирать другаго, такъ это оскорбленный супругъ, а не преступная жена.

— Бѣдный Максимилианъ! проговорила Альбина.

— Позднее сожалѣніе! Но берегитесь, не выводите меня изъ терпѣнія. Этотъ Жакъ былъ вашимъ любовникомъ; но я отпущу за себя, будьте спокойны, я поклялся въ этомъ просебя, и теперь повторяю мою клятву въ слухъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы улыбаться, вы должны скорѣе трепетать.

— Между-тѣмъ, я не трепещу, спокойно замѣтила графиня: всмотритесь получше.

— Что же вы думаете?

— Жалюю объ васъ.

— Довольно этого, закричалъ графъ въ бѣшенствѣ. Остановитесь! Вы стоите такъ гордо, думаете обмануть меня своимъ безстыдствомъ; но, повторяю вамъ, я знаю все: это дитя, которое вы носите подъ сердцемъ, — не мое — это плодъ преступной любви. Слышите? И вы еще смѣете смотрѣть мнѣ прямо въ лице. Еще-таки эта улыбка! А!...

Максимилианъ съ яростію подошелъ къ графинѣ; его глаза налились кровью. Альбина, съ покойнымъ взоромъ и съ печальною улыбкою на устахъ, ожидала бури. Графъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ; онъ не могъ долѣе выносить этого безмолвнаго оскорбленія и, опер-

шись обѣими руками на плеча своей жены, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Въ послѣдній разъ, просите милости, просите на колѣняхъ.

— Жалкій безумецъ!... сказала Альбина.

Она не кончила, какъ загремѣли страшныя проклятія, сильныя руки согнули ее, какъ тростинку, и бросили на полъ. Альбина ударилась головою объ уголь кресель, на которыхъ сидѣла за нѣсколько времени; кровь брызнула, и она упала въ обморокъ.

Максимилианъ оцѣпенѣлъ отъ своего преступленія и, нѣсколько времени, стоялъ неподвижно, вперивъ взоръ въ бездыханное тѣло Альбины; потомъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты, съ крикомъ: — Помогите, помогите! Слуги, прибѣжавшіе на этотъ крикъ, перенесли безчувственную графиню на постель.

— Не знаю, какъ это случилось, бормоталъ графъ, она упала и ударилась о кресла; она какъ-то поскользнулась.

Произнося эти слова, Максимилианъ вспомнилъ несчастную смерть бѣдной Гретхенъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ этой мысли и, прислонившись къ камину, молча смотрѣлъ на свою новую жертву. Между-тѣмъ вошелъ капелланъ и старался подать помощь Альбинѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, сна открыла глаза и начала говорить; но ея взоръ былъ мутенъ, изъ ея устъ вырывались лишь безсвязныя слова, непонятныя для присутствовавшихъ, но ужасныя для Максимилиана. Это былъ лихорадочный бредъ. По совѣту капеллана, тотчасъ послали въ Франкфуртъ за докторомъ. Между-тѣмъ бредъ усиливался.

— Я умираю, говорила Альбина, прерывая свои слова жалобными стономъ: я чувствую, что скоро прекратится моя жизнь. Боже мой! если бы мое дитя осталось въ живыхъ! Мое дитя! ваше, Максимилианъ! Слышите? ваше. Клянусь вамъ въ этомъ на порогѣ вѣчности! Вы жестоко обманулись! Боже мой! какъ я страдаю! Если бы вы знали, Максимилианъ; но я поклялась не открывать этой тайны.... Придетъ время, и вы узнаете.... Смерть!... Смерть!... Отецъ! прибавила страдалица, обращаясь къ капеллану: дайте мнѣ вашу руку; я хочу просить васъ объ одной услугѣ. Смотрите, чтобы Максимилианъ не услышалъ этого. Подъ моимъ изголовьемъ вы найдете письмо къ Вильгельмину, отдайте его ей; скажите, что и послѣ смерти я стану видѣться съ нею. Вы знаете, что графиня

ни фонъ-Эппштейнъ, умершія въ рождественскую ночь, умираютъ только въ половину.

Въ эту минуту, пробилъ полночь. Графъ затрепеталъ; онъ вспомнилъ, что это была роковая ночь.

— Прости, прости, Максимилианъ! продолжала графиня. Я прощаю тебя; люби твоего сына. Я умираю...

Максимилианъ бросился къ кровати и прижалъ къ груди свою супругу; она была мертва; но подъ ея сердцемъ трепетало дитя, и графъ съ ужасомъ отступилъ прочь. Въ эту минуту, въ комнату вошелъ докторъ, пріѣхавшій изъ города. Всѣ удалились, и одна страшная операція спасла ребенка.

Максимилианъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Къ нему вошелъ капелланъ и подалъ письмо, найденное подъ изголовьемъ графини.

— Графъ, сказалъ онъ, вы имѣете сына.

Максимилианъ пробѣжалъ письмо покойной супруги и отвѣчалъ:

— Назовите его Эверардомъ.

VI.

Черезъ три дня послѣ несчастной смерти Альбины, ея тѣло было предано землѣ. Отдавъ послѣдній долгъ своей супругѣ, графъ уѣхалъ въ Вѣну и прожилъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Въ его отсутствіе, слуги постарались удалить изъ глазъ все, что могло вызвать воспоминаніе о покойной. Но, возвратившись въ замокъ своихъ предковъ, Максимилианъ почувствовалъ невольный страхъ отъ своего одиночества; его любезный сынъ Альбертъ былъ отданъ въ одинъ вѣнскій пансіонъ, а бѣднаго сиротку, Эверарда, воспитывала добрая Вильгельмина. Еще сильнѣе затрепетало сердце Максимилиана отъ какого-то непонятнаго ужаса, когда онъ вошелъ въ красную комнату. Въ огромномъ каминѣ съ трескомъ пылали дубовыя дрова; но въ этой пустой, обширной комнатѣ было холодно, какъ и всегда. На столѣ ярко горѣли свѣчи, но ихъ свѣтъ, казалось, не упалъ на мрачныя стѣны. Время отъ времени повторялся жалобный вой вѣтра, предвѣщавшій страшную бурю. Графъ, склонивъ голову на свою грудь, за-

думчиво бродилъ взадъ и впередъ, и изрѣдка бросалъ робкій взглядъ въ темные углы или на волнующіеся занавѣсы.

— Дикая мечта воображенія! говорилъ онъ про себя: неистовый вой вѣтра представляется какимъ-то отчаяннымъ стономъ мертвецовъ; да, вопль душъ,носящихся надъ неодушевленною природою, погребальный перекликъ покойниковъ... о! это было бы ужасно!

Графъ остановился и съ трепетомъ прижался къ камину; его давили мрачныя идеи.

— И эти покойники, продолжалъ онъ, которые такъ жалобно стонуть въ корридорахъ замка, быть-можетъ, мои предки. Ихъ такъ много; подъ этой кровлею смерть собрала богатую жатву. Но что до далекихъ предковъ? Моя мать... о, какъ часто я заставлялъ ее страдать и плакать! Быть-можетъ, и мой отецъ рано еще слегъ въ свою могилу, — я сократилъ его дни! Мой братъ, вѣрно, давно соединился съ родителями; со времени разлуки, до-сихъ-поръ я не слышалъ объ немъ никакого извѣстія. Но это не все. Тамъ и бѣдная Берта, моя первая жена; тамъ...

Графъ опустился въ кресла, какъ-будто истомленный усталостію.

— Тамъ и другая, продолжалъ онъ, едва переводя духъ: Альбина... которая измѣнила мнѣ. О! ея стонъ долженъ быть громче другихъ. Она умерла не такъ, какъ Берта... я убилъ ее... Нѣтъ, я наказалъ ее, и не раскаиваюсь въ этомъ.

Въ эту минуту, жалобно застонавъ вѣтеръ. Графъ поблѣднѣлъ; ужасъ обледенилъ его; онъ всталъ съ кресель.

— Какъ холодно здѣсь! сказалъ онъ въ слухъ, и бросилъ въ каминъ еще одно полѣно.

— И какъ темно! произнесъ онъ, и зажегъ еще свѣчу, стоящую на каминѣ.

Но напрасно; холодно было въ его сердцѣ, мрачно было въ его душѣ. Онъ старался разсѣять мрачныя думы и искалъ защиты въ самолюбивыхъ мечтахъ.

— Къ черту всѣ эти химеры! сказалъ онъ. Напишемъ это письмо къ Кауницу.

Онъ сѣлъ къ письменному столу, взялъ перо и написалъ: 24 Января 1793 года. Перо выпало изъ его рукъ.

— Ровно мѣсяць, какъ она умерла, проговорилъ онъ, вставъ съ кресель.

Тяжелая грусть стѣснила его сердце. Онъ предчувст-

вовалъ, что будетъ что-то необыкновенное, сверхъестественное, неожиданное. Все наводило на него ужасъ. И однообразный звукъ маятника, и мерцающій свѣтъ огня, и далекое завыванье собакъ, и шумъ собственныхъ шаговъ, все смущало его сердце. Онъ неподвижно прислонился къ стѣнѣ, но самая неподвижность пугала его. Онъ ожидалъ чего-то ужаснаго. Какія-то невидимыя существа, казалось, носились въ безмолвной и мрачной комнатѣ и разсѣвали нѣмые ужасы. Въ добавокъ ко всему, онъ вспомнилъ темную легенду о графинѣ Элеонорѣ, вспомнилъ день смерти Альбины и преданіе объ рождественской ночи. Въ глубинѣ души его раздались послѣднія слова невинной графини.

— Глухая мечта! сказалъ онъ въ слухъ, желая избавиться отъ смутныхъ думъ.

Въ эту минуту, послышался крикъ ребенка, и это была не мечта. Крикъ выходилъ изъ верхняго жилья, находившагося надъ красною комнатою.

— Вотъ еще, подумалъ графъ, послѣ матери начинается сынокъ, этотъ Эверардъ, ея сынъ, котораго я долженъ воспитывать, въ своемъ домѣ, какъ собственное дитя, чтобъ скрыть позоръ матери! Но замолчать ли онъ наконецъ, продолжалъ Максимилианъ, приходя въ бѣшенство. Вильгельмина, вѣрно, ушла и оставила его одного въ колыбели. Такъ-то, прибавилъ онъ съ злою улыбкою, она исполняетъ послѣднее завѣщаніе своей подруги.

Между-тѣмъ ребенокъ не переставалъ кричать. Максимилианъ взялъ свою шпагу и, чтобы разбудить кормилицу, началъ стучать въ потолокъ. Крикъ не умолкалъ; дитя какъ-будто жаловалось Богу, что онъ лишилъ его матери. Это смутило графа, его сердце стѣснилось отъ какой-то тоски. Онъ хотѣлъ идти, но куда? хотѣлъ позвать кого-нибудь, но звуки замирали на его устахъ; взялъ колоколчикъ, но снова положилъ его на столъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ замкѣ всѣ спали, кромѣ сиротки и убійцы.

Огонь, пылавшій въ каминѣ, мало-по-малу угасалъ, темныя тѣни разстилались по комнатѣ, въ которой только трепетный блескъ свѣчь боролся съ мракомъ; за стѣнами все еще стопаля вѣтеръ; надъ головою все еще слышался крикъ младенца. Графу стало страшно.

— А! сказалъ онъ съ глухимъ хохотомъ: на меня падаетъ кара Божія, я какъ-будто схожу съ ума. Но посмотримъ, отчего плачетъ этотъ ребенокъ.

Онъ подошелъ къ стѣнѣ, подавилъ пружину, и передъ нимъ отворилась потаенная дверь. За этой дверью, была устроена узкая каменная лѣстница, которая, извиваясь въ стѣнѣ, вела къ тайнымъ входамъ верхняго и нижняго этажей и наконецъ спускалась въ могильный склепъ, гдѣ покоились предки Максимилиана.

Холодный могильный вѣтеръ пахнулъ въ лице Максимилиана и загасилъ свѣчу, которую онъ держалъ въ рукѣ. Графъ окаменѣлъ. На лѣстницѣ послышался шумъ женскаго платья и тотчасъ показался какой-то блѣлый призракъ, скользившій во мракѣ. Максимилианъ чувствовалъ, что его колѣни подгибались, и, чтобы не упасть, онъ прислонился къ стѣнѣ. Долго ли онъ оставался въ этомъ оцѣпенѣніи, объ этомъ могъ бы сказать только онъ самъ. Есть минуты, которыя длятся словно годы. Когда онъ опомнился, дитя уже не плакало; вѣтеръ утихъ. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ онъ поднялъ подсвѣчникъ, который, въ испугѣ, выронилъ изъ рукъ, зажегъ свѣчу, обнажилъ шпагу и пошелъ къ комнатѣ Эверарда. Только-что онъ отворилъ потаенную дверь этой комнаты, какъ свѣча снова погасла. Но сквозь одно окно пробивался серебристый лучъ луны, которая, въ ту минуту, выглянула изъ-за облаковъ, и своимъ блѣднымъ свѣтомъ озарила комнату.

Вильгельмины не было, но у колыбели Эверарда стояла Альбина и качала своего сына. Максимилианъ тотчасъ узналъ эту страшную гостью; она была въ томъ же бѣломъ платьѣ, въ которомъ похоронили ее, на ея шеѣ блестяла золотая цѣпочка. Она была такъ же прекрасна, какъ и въ живыхъ; длинныя черныя волосы разсыпались по ея плечамъ прозрачной бѣлизны, ея чело было обвито какимъ-то свѣтлымъ вѣнкомъ, въ ея глазахъ сквозило пламя любви, улыбка играла на ея устахъ. Когда Максимилианъ остановился на порогѣ, она устремила на него спокойный и гордый взоръ, и, приложивъ палецъ къ своимъ устамъ, продолжала качать свое дитя. Графъ хотѣлъ освѣтить себя крестнымъ знаменіемъ, но его рука оцѣмѣла.

— Заклинаютъ демоновъ, а не блаженныхъ, сказала мертвая съ меланхолическою улыбкою, и ея голосъ звучалъ какъ небесная гармонія. Ужели ты думаешь, Максимилианъ, что Господь позволилъ бы мнѣ придти на крикъ моего дитяти, если бы я не была въ числѣ избранныхъ?

— Въ числѣ избранныхъ? проговорилъ графъ.

— Да, Максимилианъ. Богъ правосуденъ; онъ знаетъ, что я всегда была вѣрною супругою. Я говорила это въ послѣднія минуты моей жизни, и ты не вѣрилъ мнѣ; повторяю, что Господь удостоилъ меня блаженства; мертвые не лгутъ. Вѣришь ли теперь?

— Но этотъ ребенокъ? произнесъ графъ, указавъ своею шпагою на колыбель Эверарда.

— Этотъ ребенокъ твой, отвѣчала Альбина.

— Правда ли? возразилъ Максимилианъ.

Альбина молчала.

— Но этотъ капитанъ Жакъ, кто этотъ Жакъ? произнесъ графъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Ты узнаешь, но слишкомъ поздно. Клятва запрещаетъ мнѣ говорить объ немъ; но я скажу, что этотъ человекъ могъ быть мнѣ только братомъ.

— Въ такомъ случаѣ, вскричалъ Максимилианъ, я несправедливо подозреваю тебя. Почему же ты не мстишь мнѣ?

Альбина улыбнулась.

— О! я прощаю тебѣ мою смерть! сказала она. Бури страстей человѣческихъ не нарушаютъ небснаго покоя. Только будь снисходителенъ къ твоему сыну; знай, что мои материнскія попеченія не прекратились и за могилою: я умерла въ рождественскую ночь.

— Боже всемогущій! произнесъ графъ.

— Да, продолжала Альбина торжественнымъ голосомъ: Вильгельмина должна была остаться теперь дома, чтобы позаботиться о своемъ больномъ мужѣ; а мое дитя плакало, и я пришла успокоить его. Но вотъ возвращается Вильгельмина, я пойду въ свою могилу, но, при первомъ крикѣ моего дитяти, опять явлюсь здѣсь. Прощай.

— Альбина! Альбина! вскричалъ графъ.

— Прощай, Максимилианъ, повторила Альбина торжественнымъ голосомъ и, оставивъ колыбель, удалилась изъ комнаты.

Максимилианъ не могъ отдать себѣ отчета въ непостижимомъ явленіи; слышавъ шаги кормилицы, онъ машинально затворилъ потаенную дверь и тихонько пробрался въ свою комнату. На другой день, пробудившись отъ лихорадочнаго сна, онъ сказалъ самому себѣ: какой страшный былъ этотъ сонъ! Максимилианъ боялся сознаться, что онъ видѣлъ умершую и повторялъ про себя: Я бредилъ, бредилъ все это.

VII.

Съ этой роковой ночи, жизнь въ замкѣ сдѣлалась тягостна для Максимилиана. Каждую ночь, онъ пробуждался отъ испуга, мечтая, что слышитъ шаги на тайной лѣстницѣ. Днемъ, онъ трепеталъ каждый разъ, какъ скоро встрѣчалъ Вильгельмину съ ея воспитанникомъ. Наконецъ, онъ рѣшился удалиться изъ своего замка; въ одно утро, онъ приказалъ подать коляску и уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ былъ его сынъ, Альбертъ.

Альбертъ сдѣлался единственнымъ предметомъ всѣхъ надеждъ и всей нѣжности графа. Максимилианъ любилъ повторять себѣ, что Альбертъ будетъ со временемъ главою дома фонъ-Эппштейновъ и наследуетъ титула своего отца. Что касается до Эверарда, графъ забылъ его совершенно. Ему сказали, что здоровье ребенка требуетъ чистаго, горнаго воздуха, и онъ съ радостію оставилъ его въ замкѣ. Къ счастью, ребенокъ нашелъ себѣ мать: Вильгельмина исполнила завѣщаніе своей благодѣтельницы. Благодаря ея нѣжной заботливости, Эверардъ воспитывался вмѣстѣ съ дочерью Ионатана, Роземондою. Днемъ онъ бѣгалъ по лѣсу вмѣстѣ съ своею молочною сестрою; а вечеромъ, пріотивившись возлѣ Вильгельмины, они слушали какую-нибудь исторію о привидѣніяхъ или волшебникахъ, которую рассказывалъ Ионатанъ либо Гаспаръ. Слѣтьхъ-поръ, какъ Эверардъ началъ понимать, Вильгельмина, утромъ и вечеромъ, водила его въ погребальный склепъ замка, гдѣ онъ молился на могилѣ своей матери. По окончаніи молитвы, воспитательница говорила ему объ Альбинѣ, какъ о геніи-хранителѣ, который бодрствуетъ надъ нимъ непрестанно.

— Помните, Эверардъ, говорила она, что ваша мать видитъ васъ, присутствуетъ при всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, радуется вашимъ добрымъ мыслямъ и груститъ о вашихъ недостаткахъ. Ея тѣло въ могилѣ, а душа вездѣ вмѣстѣ съ вами.

Ребенокъ старался быть послушнымъ, чтобы порадовать свою мать, и краснѣлъ при каждомъ проступкѣ, свойственномъ его возрасту, какъ-будто встрѣчалъ печальный взоръ невидимаго свидѣтеля. Юный мечтатель не разъ думалъ видѣть, — а кто знаетъ? быть-можетъ, и видѣлъ, — въ тишинѣ ночи, бѣлый призракъ, который стоялъ у его постели и смотрѣлъ на него съ нѣжною

любовію. Ребенокъ протягивалъ руки къ этому привидѣнію, но оно отвѣчало ему: « Спи, Эверардъ, спи; сонъ полезенъ для дѣтей. » Въ эти ночи, ему видѣлись самые пріятные сны; на другой день, онъ рассказывалъ все Вильгельминѣ, и воспитательница не противорѣчила ему, не разуверила его въ обаятельныхъ мечтахъ; она сама вѣрила въ явленіе небесной хранительницы его дѣтства.

Графъ Максимилианъ семь лѣтъ прожилъ въ Вѣпѣ. Наконецъ онъ посѣтилъ замокъ своихъ предковъ и провелъ въ немъ одну недѣлю. Ему не хотѣлось даже взглянуть на Эверарда; все его вниманіе было сосредоточено на Альбертѣ, который вполне походилъ на своего отца и надѣлалъ тысячу оскорбленій своему брату и слугамъ. Капелланъ намекнулъ графу объ образованіи, необходимомъ для его младшаго сына.

— Оставьте его, отвѣчалъ графъ: пусть онъ дѣластъ, что хочетъ. Для чего ему познанія, если судьба обрекла его на ничтожную роль.

Недѣлю спустя, графъ снова отправился въ Вѣну. Тихо и счастливо прошли еще два года для семейства егермейстера, какъ смерть престарѣлаго капеллана поразила ихъ горестію. Эверардъ оплакалъ своего добраго наставника, и это была первая грусть, встревожившая его юную душу. По бѣдному ребенку грозили еще новыя, тяжкія страданія. Почти въ то же время, какъ осмидесятилѣтній старецъ успокоился отъ трудовъ своей жизни, Богъ призвалъ къ себѣ и Вильгельмину. Потери и горести давно уже бросили зародышъ смерти въ ея чувствительное сердце; она увядала годъ отъ году; но въ началѣ 1802 года, болѣзненные припадки стали обнаруживаться въ ней гораздо чаще и съ большою силою. Въ одинъ печальный вечеръ все семейство собралось въ ея комнату: дѣти, играючи, подавали ей благовонные цвѣты, собранные въ лѣсу; Гаспаръ читалъ Библию, а Ионатанъ, съ невыразимою тоскою, смотрѣлъ на свою умирающую подругу, и слѣдилъ за малѣйшими ея движеніями. Вдругъ Вильгельмина впала въ безпамятство. Ионатанъ, съ болѣзненнымъ стономъ, бросился къ ней; онъ думалъ, что смерть уже разлучила ихъ на-вѣки, но его крикъ привелъ Вильгельмину въ чувство; она открыла глаза.

— Бѣдный другъ! произнесла она, протянувъ Ионатану свою холодящую руку: бѣдный другъ! Мнѣ жаль покинуть тебя, но такъ угодно Богу. Будь твердъ. Я исполнила уже свой долгъ: я почти воспитала милыхъ

дѣтей. Когда меня не будетъ, прошу тебя, мой другъ, отвези нашу Роземонду въ Вѣну, въ монастырь Священной-Липы, гдѣ ты вручишь игуменѣ письмо доброй графини; тамъ окончатъ ея воспитаніе. Заботься объ Эверардѣ, какъ о сынѣ. Эверардъ! выслушайте и вы. Каждый день, утромъ и вечеромъ, молитесь на могилѣ вашей матери, не забывайте этого. Почтайте вашего отца, но любите вашу мать. И ты, Роземонда, покажи себя достойною святой обители, въ которой будешь жить. А что сказать вамъ, батюшка? прибавила Вильгельмина, обратившись къ Гаспару, который спокойно стоялъ позади Ионатана.

— Скажи мнѣ: до свиданія! дочь моя, отвѣчалъ старикъ. Я скорѣе всѣхъ увижусь съ тобою. Мы встретимся тамъ, Вильгельмина.

Вильгельмина чувствовала дыханіе смерти, и, чтобы избавить своего мужа отъ тяжкихъ страданій послѣдняго прощанья, просила оставить себя.

— Мнѣ стало лучше, сказала она: оставьте меня, я хочу заснуть.

Ионатанъ удалился, но Гаспаръ открылъ истину; онъ поцѣловалъ свою дочь, пожалъ ей руку и сказалъ: до свиданія на небѣ! — Прости! отвѣчала Вильгельмина. Черезъ нѣсколько минутъ Вильгельмины уже не стало.

Въ этотъ печальный годъ, графъ Максимилианъ, между-тѣмъ, достигъ цѣли своего самолюбія: онъ сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ.

(Продолженіе въпредѣ.)

Науки и Искусства.

ВАТИКАНСКІЙ СОБОРЪ.

Особенное достоинство собора Св. Петра есть *милость* его: здѣсь христіанство не приведено къ противостоенію съ монументами и великими воспоминаніями язычества. Почва эта не только не была занята во имя древней исторіи, но издревле

и окрещена въ новую Вѣру мученическою смертію первыхъ ея поклонниковъ. Удивительно, что, у самыхъ воротъ Рима, была полоса, безъ всякаго событія, безъ исторіи! Зѣмля, обвивавшая колыбель юнаго Алкида, не ползала по этому мѣсту! Кромѣ имени Ватикана, мы почти ничего не знаемъ объ этой Затибрской сторонѣ, между Маріевымъ холмомъ и Яникуломъ. Тутъ было небольшое поле, гдѣ пахалъ Цициппатъ; тутъ были сады Юлія Цесаря, которые онъ завѣщалъ римскому народу; тутъ — если вѣрить Горацию (од. I, 20) перекатывался отголосокъ шумнаго рукоплесканія, коимъ публика въ театрѣ встрѣтила однажды Мецената. По этому подгорью простирались и сады первыхъ императоровъ, наиримѣръ: Перона, имѣвшаго въ нихъ циркъ, который и былъ театромъ того ужаснаго убіенія христіанъ. Провидѣніе, не допуская этого загороднаго мѣста слиться съ городомъ, будто берегло оное для особенной цѣли; стигійскія воды Тибра, и надъ ними мавзолей Адриана — какъ нѣкій роковой стражъ между двухъ міровъ — возбраняють это сліянiе, столь легко, въ отношеніи къ Яникулу, совершившееся ниже, черезъ рѣку, посредствомъ Тибрскаго острова. Еслибъ уцѣлѣлъ древній триумфальный мостъ, коего остатки находятся на самомъ поворотѣ большаго изгиба рѣки, на ближайшемъ пунктѣ ея отъ базилики Св. Петра, то, конечно, въ сторонѣ отъ мавзолея Адриана, пролегла бы прямымъ путемъ самая блистательная связь древняго Рима съ Ватиканомъ; мы тогда могли бы воображать, что каждое триумфальное шествіе, до перехода на Марсовое поле, строилось въ установленный чинъ торжества на пышнѣйшемъ плацу Св. Петра. Но теперь мы въ незначительныхъ, изъ воды выходящихъ остатковъ этого, уже давно разрушеннаго моста, видимъ печальный символъ паденія всемірной державы, и будто некое явное знаменіе воли Божіей, рѣзко отмежевавшей отъ языческаго Рима этотъ безгласный участокъ земли, для заложения тамъ Рима христіанскаго.

Не прежде, чѣмъ въ половинѣ девятаго вѣка, Ватиканъ, по предусмотрительности папы Леона IV, былъ обнесенъ стѣною, для защиты прежней базилики Константина отъ враговъ, и такимъ образомъ присоединенъ къ укрѣпленіямъ Яникула. Это предмете столько же по названію своему *Затибрскаго* (Trastevere), сколько и по обычаямъ жителей, представляется чѣмъ-то рѣшительно особеннымъ даже отъ новаго Рима.

Такия топографическія, умственные, моральныя и историческія причины побуждаютъ назвать Ватиканъ отдѣльнымъ, *третьимъ* Римомъ, совершенно чуждымъ странной смѣси древняго съ новѣйшимъ.

Древній Римъ, какъ мы видѣли, беретъ — даже объективно — рѣшительный верхъ надъ новымъ, не взирая на долгое всемірное владычество католицизма и на все *то*, что проистекло изъ этой идеи, какъ-то: безчисленные церкви и монастыри, огромнѣйшіе палацы, выстроенные изъ суммъ папской индульгенціи, не похвальное прикосновеніе къ правамъ древности, и прочая. Папы будто наконецъ дознались, что древность не такъ легко, какъ Европа, поддается властолюбивой іерархіи Рима; что сѣмя, брошенное ими на классическіе камни, не пускаетъ корней: ибо священное должно имѣть и свойственную ему почву. Деревянный крестъ въ Колизеѣ, католицизмъ въ Пантеонѣ, Петръ и Павелъ на колоннахъ Траяна и Антонина — не довольно ли доказательства, что языческой камень навсегда останется языческимъ камнемъ, что выходка новѣйшихъ верховныхъ понтификсовъ была крайне неумѣстна и неудачна. Они должны были догадаться, что, при всей своей власти, они не въ силахъ одолѣть генія древняго Рима, на родной его почвѣ. Прекративъ бесполезную съ нимъ борьбу, они благоразумно обращали вниманіе на Ватиканъ, на мѣстность преимущественно христіанскую, дабы тамъ величайшимъ въ мірѣ зданіемъ олицетворить свою мнимую власть всемірную. Идея весьма верная!

И такъ древняя исторія прощается съ вами у мавзолея Адриана, и вы безъ нея — или съ неопредѣленнымъ чувствомъ, или съ мыслями, относящимися только къ христіанству, — подходите къ пространному мѣсту, гдѣ Неронъ разыгрывалъ ужасную трагедію, въ рѣзкихъ чертахъ описанную Тацитомъ. Между тѣмъ, какъ воображенію вашему мечтаются бѣдныя христіане — или распятыя, или зашитыя въ шкуры дикихъ звѣрей и терзаемыя псами, или окутанные въ сгораемыя вещества и горящіе живыми факелами — взоръ вашъ внезапно удивленъ свѣтлымъ, на томъ же мѣстѣ, торжествомъ христіанства, во образъ сего Соломонова храма нашихъ временъ, который простираетъ къ пилигриму широкія — какъ любовь Божія — объятія, подъ видомъ единственной въ свѣтѣ колоннады! На серединѣ этой *ареи* возвышается обелискъ Калпугуды, изъ всѣхъ въ Римѣ обелисковъ одинъ цѣль-

ный, но безъ іероглифовъ; по сторонамъ, на прямой отъ него линіи, находятся два прекрасные, вѣчно бьющіе фонтана, похожіе на кристаллыя плакучія ивы, или на таинственныхъ Ундины, подъ среброструичатымъ покрываломъ, въ особенности, когда это покрывало развѣвается вѣтромъ и блистательно пылью брызжетъ за края бассейна. Полукружныя колоннады, прямолинейными галереями примыкающія къ собору и передъ нимъ образующія два плаца — одинъ эллиптической, побольше, другой квадратный, поменьше — состоятъ изъ четырехъ рядовъ травертинныхъ колоннъ и пиластровъ дорического чина, въ шестьдесятъ футовъ вышины; первыхъ — по колоннадамъ — считается 284; послѣднихъ — по галереямъ — 64. Вдоль наружнаго края плоской крыши сихъ пропилаевъ разставлены 192 травертинныя статуи Святыхъ. Отъ обелиска раздѣленіе мостовой разбѣгается на всѣ стороны правильными лучами по переднему плацу. На сѣверной сторонѣ есть меридіанъ, и тамъ вблизи два камня означаютъ мѣсто, гдѣ стекаются въ одинъ пунктъ линіи рядовъ колоннъ полукружія, и откуда колоннада является только въ *одинъ* рядъ столбовъ.

Мы входимъ въ такія мелочныя подробности, не сказавъ еще ни слова о главномъ впечатлѣніи самаго собора, оттого, что это главное впечатлѣніе ни сколько не соответствуетъ вашимъ ожиданіямъ. Основаннымъ на извѣстной огромности зданія. Оно, при всей знаменитости своего купола, издали представляющагося *горю*, кажется вамъ *вблизи* — обыкновенною, и съ обыкновеннымъ же куполомъ, церковью, какія выдаешь въ Римѣ. Озадаченный этимъ оптическимъ обманомъ и не понимая его, невольно обращаешься къ пристройкамъ и вводнымъ частностямъ; они гораздо занимательнѣе и довольно поразительны, по крайней-мѣрѣ въ первую минуту. Впослѣдствіи же отъ собора, такъ — сказать промахнушагося главнымъ эффектомъ, разочарованіе мало-по-малу переходитъ и къ вводнымъ частностямъ — и прекрасный, самъ по себѣ диковинный портикъ и арка, со всѣми ея принадлежностями, наконецъ являются въ цѣломъ какую-то сценическую пышность, или свѣтскую парадность (*élégance*), до крайности несогласныя съ идеею о святодѣнномъ величій и важности метрополіи, торжествующей всемірную надъ язычествомъ побѣду на *такомъ* святомъ мѣстѣ. Древне-римскій триумфъ, при всей языческой хвастливости, имѣлъ характеръ глубо-

ко-религіозный; а здѣсь, на оборотъ, торжество свѣтѣйшей религіозности, т. е. новой вѣры, имѣетъ выраженіе свѣтской хвастливости. Это печальное сознаніе сказывается душѣ тѣмъ живѣе, что чувство изящнаго совершенно безмолвствуетъ при видѣ собора.

Подъ вліяніемъ общаго архитектурнаго недостатка и несогласія, которое довершается косвеннымъ къ базиликѣ, съ одной стороны, прислоненіемъ огромнаго дворца ватиканскаго, всюду ищешь глазами хотя какого-нибудь религіознаго впечатлѣнія — и не найдешь. Сначала взоръ останавливается на среднемъ большомъ куполѣ, и начинаешь воображать, что это чисто-христіанскій Пантеонъ, подъ сѣнію креста вознесенный въ эфиръ и тамъ витающій, какъ нѣкій столпникъ; но мелкій *видъ* этого купола и чуждая пантеону паставка разувѣряютъ въ этой мечтѣ. Отшибаемое отъ купола воображеніе останавливается на крестѣ, стоящемъ на обелискѣ; по крестъ на *египетскомъ* памятникѣ теряетъ свое христіанское значеніе, потому-что былъ и символомъ египетскимъ. Въ досадѣ, спросишь себя: ужели нельзя было одною чертою освятить эту мѣстность и для эстетическаго чувства? Кажется, это такъ легко, какъ нельзя легче. Спросите и нищаго духомъ, и онъ вамъ скажетъ: «Поставьте колоссальную статую Св. Петра на этомъ обелискѣ цирка Неронова — *свидѣтель* славной мученической смерти апостола! явите святаго апостола, на этомъ мѣстѣ распятаго съ низу, явите его свѣтозарнымъ на той величественной высотѣ, какъ бы въ преображеніи его славы въ христіанствѣ!» Не правда ли? Петръ, столь высоко на этомъ мѣстѣ его казни, и, что чрезвычайно важно, на самомъ свидѣтелѣ казни — произвелъ бы всемогущій религіозный эффектъ и покрывъ бы христіанскою святостью сіе мірское великолѣпіе, отъ котораго теперь нѣтъ спасенія! — Я до того былъ разочарованъ, что на этотъ разъ и не могъ войти во храмъ; я подошелъ къ одному изъ фонтановъ, призадумался подъ шумъ воды — и отправился домой.

Нерасположенію духа, или усталости чувствъ, приписывалъ бы я такое неожиданное на меня дѣйствіе вида славной базилики, еслибы могъ только забыть, что я вступилъ на эту арку съ душею свѣжею, чисто настроенною, готовою къ принятію всякихъ впечатлѣній. То же самое разочарованіе продолжалось въ каждое, слѣдовавшее за первымъ, посѣщеніе, хотя уже, со втораго прихода, я каждый разъ входилъ въ храмъ.

Обратимся къ исторіи его; она нѣсколько объяснитъ недостатокъ единства, взаимную несообразность размѣровъ и неизящное устройство, которыя еще болѣе ощутительны во внутренности собора.

Римская курія увѣряетъ, что четвертый по Петръ папа, Анаклетъ, уже построилъ часовню — или моленію, надъ гробомъ Священномученика — въ *Императорскихъ садахъ Домитіана* — лютаго преслѣдователя новой Вѣры! Одно *преданіе* могло сторожить могилу Апостола до 324 года, когда Императоръ Константинъ выстроилъ надъ нею первую базилику, гдѣ короновался Карлъ Великій, и гдѣ, со временъ Гонорія, была гробница царская, которая — около половины 16-го вѣка, — выдала потомству раки со смертными, въ богатыхъ узорочіяхъ, останками двухъ супруговъ Гонорія, дочерей Стиликона — и съ золочеными бляхами, что вмѣстѣ доставило любостыжательному вѣку восемьдесятъ фунтовъ выжиги! По истеченіи одиннадцати столѣтій, базилика пришла въ такую ветхость, что должны были ее сломать, положивъ выстроить новую. Въ 1506 или 7-мъ году папа Юлій II приступилъ къ закладкѣ нынѣшняго собора, освященнаго черезъ 120 лѣтъ папою Урбаномъ VIII. Первый зодчій новой базилики былъ Брамантъ, избравшій для нея форму греческаго креста. Рафаэль предпочелъ латинскій крестъ. Перуцци возстановилъ греческій; Сангалло возвратился къ латинскому. Микель-Анджело Бонаротти, великій реформаторъ всего плана постройки, положилъ — въ третій разъ — быть кресту греческому; но Карло Мадерно — въ третій же разъ и окончательно — ввелъ во владѣніе латинскій и, кромѣ того, не посовѣтился, вмѣсто дивнаго фасада, назначеннаго Микель-Анджеломъ, вывести нынѣшній безвкусный, его собственнаго изобрѣтенія. Бернини создалъ колоннады и галереи.

Мудрено ли, что соборъ, послѣ толикихъ пересудовъ и измѣненій плана, не имѣетъ художественнаго единства, внутренней гармоніи, неумовимой мѣрительными инструментами? Нѣтъ даже и надлежащей *наружной* гармоніи въ главныхъ частяхъ: огромный куполь — какъ замѣчаютъ весьма справедливо — есть слишкомъ и слишкомъ маленькая глава для гиперболическаго квадратнаго корпуса. Оба меньшіе купола, по сторонамъ, не исправляютъ этой ошибки. Отъ Пантеона узнаемъ, что угловатая форма (портикъ его) можетъ согласоваться съ круглою, когда эта послѣдняя

преимуществу. Ватиканскій соборъ намъ доказываетъ, что нѣтъ согласія между ними, когда квадратъ преобладаетъ. Для чрезмѣрной, исполненной массы не могли найти возвышенной формы художественной — и вотъ главный недостатокъ собора и причина уменьшительнаго оптического обмана: чему много способствуетъ и немѣнѣе рѣзкой ни съ какимъ соседнимъ предметомъ противоположности, посредствомъ которой могла бы выказываться хотя математическая огромность. Фасадъ издали не красивъ, отчасти заслоняетъ главный куполъ; а вблизи, какъ я уже замѣтилъ (въ статьѣ о Пантеонѣ), являетъ одну *пустую* колоссальность; передъ нею съ досадою теряется человекъ, не увеличиваемый эстетически. А Бонаротти назначилъ подражаніе фасаду пантеонскому, въ сообразно-большемъ размѣрѣ... о Вандаля Мадерно!

Съ подобнымъ неудовольствіемъ вступаешь въ преддверіе храма, великолѣпное и пространное, и ходишь по немъ взадъ и впередъ, надѣясь ознаменовать душу лучшимъ и болѣе свойственнымъ мѣсту чувствомъ; но въ одномъ концѣ преддверія находишь на дурную конную статую Константина; а въ другомъ — на такую же плохую, Карла Великаго. Избѣгая той и другой и держась въ равномъ отъ обѣихъ отдаленіи, очутился я на спасительной серединѣ, передъ главными изъ пяти дверей храма, надъ коими видится знаменитая мозаическая картина *la Navicella* (ладія) Св. Петра, сочиненная въ исходѣ XIII вѣка, по заказу кардинала Стефанески, и оставшаяся хороша, послѣ толковыхъ возобновленій. Это — аллегорія судьбы церкви! летучіе духи бурь грозятъ гибелью ладіи Петровой; но четыре главные пророка, въ облакахъ, ознаменовываютъ святую надъ нею бдительность Промысла, и спасеніе церкви отъ языческихъ преслѣдованій олицетворено присутствіемъ Стефанески, въ облаченіи епископа.

Живопись выручила архитектуру: входяшь въ базилику съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ.

Но яркому свѣту мірской палаты, по какому-то недуховному характеру сей роскоши, по чрезмѣрной расточительности и какой-то книжеской свѣтлости, воображаешь себя не въ святилищѣ апостола, но въ чудесной картинной галереѣ, въ музеѣ мраморныхъ статуй, или въ главной обители самого папы, и съ прозаическимъ удивленіемъ глядишь на группу одѣтыхъ лохмотьями поселенъ, въ этой цар-

ской палатѣ. Отчего это грандіозное, чрезмѣрное, невиданное великолѣпіе не трогаетъ, не возноситъ, не вдохновляетъ души?... Я прислонился къ главнымъ бронзовымъ дверямъ; взоры мои разбѣгались по храму, но эстетическое чувство ничего не приобрѣтало посреди столь многихъ драгоценностей, статуй, картинъ, мраморовъ, алмазовъ и золота: душа остается безъ впечатлѣній!

Въ центрѣ храма, подъ самымъ куполомъ возвышается богатая изъ позолоченной бронзы, но странная, безвкусная, съ мудреными вычурами — трибуна, извѣстная подъ именемъ *балдахина*: это главный алтарь, гдѣ священнодѣйствуетъ самъ папа и гдѣ бусурманъ Баязетъ грозился высыпать мѣру овса своему ратному кошу. Передъ трибуною углубленіе, окруженное перилами и означающее могилу апостола, надъ которою горятъ болѣе ста неугасимыхъ лампадъ. Символъ Св. Духа — бѣлый голубь — изображенъ на алтарномъ транспарантѣ. Будь онъ поставленъ выше, то казалось бы, что голубь слетаетъ съ небесъ; теперь же онъ, просто, летитъ *издали*, что значительно ослабляетъ дѣйствіе транспаранта. Отъ купола является только одинъ край, въ видѣ молодого мѣсяца; онъ влечетъ къ себѣ; полойдешь, запрокинешь голову и, потерявъ изъ виду весь храмъ, всмотришься въ одинъ куполъ, конечно, грандіозный, удивительный своею вышиною, но властвующій только надъ частью храма, и слишкомъ высокій для этой части и не довольно пространный для этой вышины; потому-то онъ и лишенъ всесильнаго художественнаго эффекта пантеонскаго купола.

Обошедъ базилику по всемъ направленіямъ, возвращаешься изъ этого лабиринта къ своему мѣсту, у главныхъ дверей, съ печальнымъ сознаніемъ, что тутъ нѣтъ *истинной* красоты, нѣтъ *внутреннего* величія, нѣтъ *цѣлаго*! что есть только *части* — безчисленное множество частей, великолѣпныхъ и достойныхъ всякой похвалы. Въ планѣ собора содержится причина, что онъ представляетъ только одніе части и не можетъ произвести общаго впечатлѣнія, достойнаго величины его. Нѣтъ центрального пункта, въ который могло бы сливаться цѣлое, и откуда опять расходитъ въ свои гигантскіе размѣры. *Не* въ созерцаніи, но только въ размышленіи совладаемъ съ базиликою, и подобный процессъ не поведетъ къ эстетическому наслажденію. Еслибы древніе строили этотъ соборъ, они лучше

сумѣли бы соединить свое тонкое чувство изящнаго съ требованіями христіанской вѣры.

Какъ наружность собора, такъ и внутренность его отнюдь не рассчитана на художественные эффекты; строители хотѣли только удивлять колоссальностью, ослѣплять великолѣпіемъ и чрезвычайно-прозаическою иллюзією. Надобно измѣрить шагами всю церковь, чтобъ уразумѣть ея величину; ибо она съ виду гораздо меньше: статуи умаляютъ пространство. Въ обыкновенномъ разстояніи онѣ кажутся *отроками*; подойди и видишь — *колоссы*! Каковъ обманъ? Равномѣрно впечатлѣніе вышины уничтожено тѣмъ неизящнымъ балдахиномъ, для котораго пантеонъ долженъ былъ выдать свою бронзу. Сія уменьшительная иллюзія снаружи и внутри собора вмѣнялась бы, какъ побѣжденная трудность, можетъ быть, въ достоинство строителямъ, если бы выше имъ была предписана задача: выстроить храмъ, въ коемъ могло бы помѣщаться, положимъ, *сто тысячъ* человекъ, и который между-тѣмъ не казался бы столь великимъ. Но если не было такой повелительной задачи (и быть не могло, по политикѣ папъ, устремленной къ хвастливости), то зодчій всегда обязанъ стараться о томъ, чтобъ иллюзія увеличивала созданіе его. Недостатокъ вседержительной гармоніи объясняется многократными измѣненіями плана во время постройки; но какимъ образомъ могло, при этихъ разрушительныхъ измѣненіяхъ, уцѣлѣть въ умѣ зодчихъ странная идея, которой все они будто держались добросовѣстно, т. е. привести *архиколоссальное* въ уменьшительныя отношенія! Ужели это сдѣлалось само собою? Если же нѣтъ, такъ что же именно хотѣли зодчіе выразить этою идеєю? Смирненіе ли христіанское? Этого нельзя было бы оправдать ни съ художественной, ни съ религіозной точки зрѣнія.

Можно бы написать цѣлую книгу о находящихся въ этомъ соборѣ достопримечательныхъ предметахъ, если бы каждому изъ нихъ воздать должное; но ни одинъ не имѣетъ первостепеннаго, такъ сказать, всемірнаго изящества. Упомяну о немпогихъ, во избѣжаніе скудной номенклатуры, недостаточной для невиданнаго тѣхъ предметовъ, а излишней для видѣшаго.

Кромѣ балдахина, въ базиликѣ есть еще одно замѣчательное, изъ золоченой бронзы, произведеніе, за главнымъ алтаремъ, въ концѣ главнаго корпуса зда-

нія — сѣдалище Петра, на возвышенной трибунѣ, поддерживаемое четырьмя церковными отцами. Трибуна хороша, но исполненіе цѣлаго, особенно статуй, отличается отъ дурнымъ вкусомъ. Не досадно ли, что два главнѣйшіе въ соборѣ предмета: алтарь первосвященника и сѣдалище апостола, столь неудачны въ художественномъ отношеніи и усиливаютъ разочарованіе, наведенное недостаткомъ внутренней гармоніи самой базилики!

Подлѣ этой трибуны есть прекрасный мавзолей Павла III, со статуями, изъ коихъ одна, статуя Правосудія, въ позиціи нѣсколько роскошной, была прежде безъ покрова, но теперь видится въ туникѣ изъ бронзы, раскрашенной подъ цвѣтъ мрамора.

Не худо бы совсѣмъ вывести и Леду, въ трехъ экземплярахъ обнимаемую своимъ лебедемъ, на главныхъ бронзовыхъ дверяхъ храма, и вообще все стереть, что въ этомъ святилищѣ наводитъ слишкомъ свѣтскія впечатлѣнія, или пестритъ ребяческою игривостью.

Мозаика алтарныхъ картинъ — копій съ знаменитыхъ оригиналовъ — составлена столь искусно, что она кажется масляною живописью. Надъ первымъ алтаремъ, въ правомъ боковомъ ходѣ, есть произведеніе *молодаго* Микель-Анджело: знаменитая, но дурно поставленная группа, возбуждавшая столько критики сверхъестественною юностью Мадонны, въ сравненіи съ мужественнымъ видомъ Божественнаго Сына Ея. Юный художникъ, — еще державшійся нѣжнаго стила, но все-таки будущій *Микель-Анджело*, хотѣлъ удивить необываюю смѣлостью, изображая Пречистую, съ *мужественнымъ* Спасителемъ, Мадонну въ *томъ* видѣ, въ какомъ Она дотошъ представлялась только съ *Младенцемъ*; а оправданіемъ такой смѣлости была трансцендентальная причина, имѣвшая, для автора, основаніе въ явленіяхъ чувственной природы. «Цѣломудренныя женщины, говорилъ онъ, сохраняютъ юность и свѣжесть гораздо долѣе, чѣмъ другія: колыни паче *Діава*, чуждая малѣйшаго земнаго побужденія! Стало-быть, даже естественнымъ порядкомъ могла сохраниться въ Мадоннѣ сія чудесная юность, дабы міръ имѣлъ и очевидное доказательство святости и вѣчной дѣвственности и чистоты Ея!» Критики не убѣдились этимъ умнымъ оправданіемъ католическаго художника, продолжая находить страннымъ, что, съ виду, *Мать* моложе *Сына!* — Замѣчательно, что въ то самое

время, когда Микель-Анджело защищался таким блистательным теософизмом, родилась во Франціи женщина, которая умерла священою красавицею въ *шестьдесятъ шесть летъ*, двумя годами послѣ Микель-Анджело, и слѣдственно, при жизни же его, могла служить примѣромъ, что ссылка его на естественность имѣла нѣкоторое основаніе.

Колѣнопреклоненная, у могилы апостольской, статуя Пія VI — произведеніе Кановы — едва ли не лучшая изъ всѣхъ статуй собора, по возвышенной простотѣ и правдѣ; да и мѣсто, вѣчно-освѣщенное сотнею лампадъ, придаетъ ей особенное благолѣпіе и святость.

Могильный памятникъ шведской королевы Христины — дочери Густава Адольфа, пролившаго царскую кровь свою въ борьбѣ съ католицизмомъ, за вѣротерпимость — этотъ памятникъ въ митрополіи католицизма, и картина, представляющая отреченіе дочери отъ родительскаго вѣроисповѣданія — имѣли для меня что-то очень поразительное и очень грустное, и я всякій разъ вспоминалъ скромный побѣдный памятникъ отцу, на лейпцигскихъ поляхъ. *Fata viam invenient* — былъ девизъ этой полумужеской женщины; но жизнь ея доказываетъ, что мы не должны слѣпо предоставлять судьбѣ путь своей жизни: это будетъ всегда путемъ заблужденій!

Соборъ Св. Петра имѣетъ 46 алтарей, 121 неугасимую лампаду, 758 колоннъ (239 мраморныхъ, 503 травертинныя, 16 бронзовыхъ), 387 статуй (40 бронзовыхъ, 96 мраморныхъ, 161 травертинную, 90 штукатурныхъ) и 290 оконъ. На церковномъ помостѣ хвастливо означена мѣра длины главнѣйшихъ въ Европѣ соборовъ, какъ-то: Св. Софіи въ Константинополѣ, Св. Павла на остіанской дорогѣ, Св. Петронія въ Болони, соборовъ миланскаго, флорентійскаго, Св. Павла въ Лондонѣ и, наконецъ, собора Ватиканскаго, всѣ другіе превосходящаго длину. Кромѣ того, въ справедливомъ опасеніи, что чувственный видъ того не выкажетъ, тамъ же еще отмѣчены прочіе размѣры базилики: отъ помоста до креста купола 424 фута; въ главную ширину 417, въ длину 575. Поперечникъ купола тремя римскими пальмами менше пантеонскаго. Постройка этой базилики, стоившей около 48 милліоновъ скудіевъ (240 милліоновъ нашими ассигнаціями) было однимъ изъ главныхъ побужденій къ чрезвѣтной безсовѣстности римской индульгенціи и,

поэтому, посредственною причиною протестантизма, отпаденія отъ папы, затмѣнія его славы. Сіе послѣднее обстоятельство замѣчательно, какъ роковое наказаніе понтификальной гордыни, именно въ томъ предметѣ, который имѣлъ цѣлью олицетворить ту всемірную славу.

Не разъ приходило мнѣ на умъ, что во всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Рима, Ватиканскій соборъ произвелъ бы несравненно болѣе эффекта и на усерднѣйшаго поклонника чистой красоты; ибо нигдѣ, какъ здѣсь, не мечтается столь живо совершенство древней архитектуры, сравненіе которой со знаменитымъ новѣйшаго зодчества чудомъ именно наводитъ тусклъ на блистательную нестройность сего послѣдняго. Если же, при такомъ важномъ недостаткѣ, базилика Св. Петра ознаменована столь великою и громкою славою, то это, по моему мнѣнію, происходитъ оттого, что весьма немногіе достигаютъ той степени *эстетическаго* образованія, на которой чувство проситъ чистожудожественнаго наслажденія и неподкупно помнитъ высшее требованіе искусства. Необразованные, полубразованные, ложно-образованные — даже умные и умнѣйшіе люди, но только неодаренные особеннымъ чувствомъ изящнаго — не понимаютъ и не ищутъ той внутренней гармоніи, которая есть *главное* въ искусствѣ; они ослѣпляютъ необыкновеннымъ блескомъ, роскошью, величиною и вышиною — вообще внѣшнюю форму и внѣшнюю колоссальность, не подозревая, что есть и внутренняя — важнѣйшая форма, и внутреннее — высшее достоинство. Многіе такъ, безъ сомнѣнія, въ душѣ своей отрекаются отъ вѣднѣйшаго чувства, чтобы только слить *своей гол* великимъ шумнымъ хоромъ, поющимъ хвалы *сому* собору: гдѣ ликуетъ масса людей, тамъ неохотно составляешь собою исключеніе. Этотъ хвалебный хоръ продолжается уже два вѣка, что, конечно, весьма важно; но будетъ ли онъ еще продолжаться черезъ тысячелѣтіе? и будетъ ли тогда еще существовать этотъ же куполъ, который и въ прочности, по видимому, далеко уступаетъ пантеонскому — эти вопросы разрѣшатся потомствомъ. Мы желаемъ и того и другаго, но позволяемъ себѣ сомнѣваться, по-крайней-мѣрѣ въ первомъ, потому-что, какъ дознаю міровымъ опытомъ, мнѣніе немногихъ — ежели оно только *истинна* — въ теченіе вѣковъ наконецъ преодолеваетъ мнѣніе массы, которая тогда просто вѣрится на слово знато-

камъ и обзывается восхищаться Аполлономъ Бельведерскимъ, Лаокоономъ etc. не понимая, въ чемъ именно состоитъ ихъ всемірное достоинство. Таковъ непреложный законъ умственнаго міра!

Я добросовѣстно и безобязанно высказалъ свое мнѣніе о базилікѣ Св. Петра, не заботясь о томъ, что оно меня отстранитъ къ малому числу послѣдователей Ферриво, который, первый, осмѣлился указывать на безвкусіе этого зданія. Безспорно, есть только одинъ способъ вѣдаться съ искусствомъ: чувство изящнаго! всякое произведеніе художника, если оно творится для *людей* (что, разумѣется, есть конечная цѣль), то и ограничивается горизонтомъ художественной иллюзіи, и сія послѣдняя вся помѣщается въ чувствѣ изящнаго. За предѣлы этой иллюзіи переходятъ творенія Божіи. Мы стараемся ихъ разгадывать умомъ, сколько можно; мы благоговѣемъ передъ божественною мудростью ихъ устройства; но чувство эстетическое, заключенное и оконченное въ своемъ собственномъ мірѣ, не можетъ относиться къ сверхчеловѣческому. Если съ высшей степени сего чувства, до какой только могутъ достягать мои силы, нельзя было собрать подъ *одно* понятіе и въ одно изящное *цѣлое* колоссальныя массы этого собора, то я и не могъ имѣть другаго *эстетическаго* о немъ сужденія. Но посмотримъ на него съ другой стороны.

Художественное произведеніе, признанное критикою столь неудачнымъ, должно быть или уродливо, или, по-крайней-мѣрѣ, плохо: оба эпитета, безъ величайшаго грѣха, нельзя примѣнить къ ватиканской базилікѣ; напротивъ того, простой инстинктъ удостовѣряетъ, что она — нѣкое *чудо!* Эстетика возражаетъ: «Только не *чудо искусства*, а можетъ быть, *чудо* строгій науки; новая, исполнская, олицетворенная система архитектуры, своими размѣрами ошутительно забѣгающая за кругъ челоѣческой иллюзіи, которымъ ограничивается владѣніе мое!» Если *такъ*, то прекращено противорѣчіе между судомъ критики и сужденіемъ народа, и указана другая точка зрѣнія, съ которой можно вѣдаться съ этимъ единственнымъ твореніемъ.

Я уже замѣтилъ выше, что только въ размышленіи совладѣешь съ разрозненными въ созерцаціи массами собора. Этимъ умственнымъ путемъ я сначала доходилъ до того, что базилика иногда казалась мнѣ нѣкоторымъ святымъ городомъ, составленнымъ изъ однихъ церквей, и котораго стогны суть эти многочисленные ходы

и перекрестки, раздѣляющіе его на правильные кварталы. Подъ стѣною такой мечты, я оставался гораздо довольнѣе зданіемъ; куполъ былъ главою только одной первенствующей изъ тѣхъ церквей, главою той части собора, которая покрывается куполомъ. Чрезвычайно удачно изъ Библии взятая, огромными золотыми — словомъ пламенными — буквами изображенная надпись на фронтѣ его карниза: *Tu es Petrus, et super hanc Petram aedificabo Ecclesiam meam et tibi dabo claves regni coelorum!* Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою и дамъ тебе ключи Царства Небеснаго — эта надпись располагаетъ къ религиозности, и тогда несравненно въ лучшемъ видѣ представляется куполъ: онъ будто возрастаетъ и расширяется вмѣстѣ съ нашимъ умомъ, увеличиваемымъ святостью тѣхъ словъ, которыя, по католическому смыслу, совершились въ лицѣ сего собора. Однажды, когда я бродилъ по верхнимъ и высшимъ составамъ базилики, и люди на церковномъ помостѣ казались забавными пигмеями, я тѣмъ же путемъ размышленія наконецъ дошелъ до поразительной, колоссальной фантазіи. Умъ мой находился подъ вліяніемъ чуднаго за предѣлы эстетической гармоніи перешедшаго сна, мой гласъ пріобрѣталъ какую-то гигантскую досягаемость, такъ, что, недосупный изящному чувству, макрокосмъ собора являлся мнѣ въ другомъ, совершенно измѣненномъ видѣ, въ какой-то нечелоѣческой, гиперболической, сверхестественной стройности, и въ этой мечтѣ воцарилась идея, что храмъ построенъ не для *людей*, а для гигантовъ, вдвое, или втрое превосходящихъ челоѣка и ростомъ, и понятіями, и способностью всѣхъ пяти чувствъ, и шестаго — эстетическаго! То, что однажды промелькнуло въ моемъ умѣ, не скрывается ли безсознательно въ инстинктѣ народа и плѣняетъ его столь могущественно? Но какимъ образомъ могла прійти людямъ мысль: выстроить зданіе не для людей, а для гигантовъ? Одинъ Микель-Анджело могъ бы имѣть эту идею; но онъ былъ не первоначальный строитель собора. Нѣтъ, ни одинъ изъ архитекторовъ не думалъ объ этомъ! Было повелѣніе папское, заложить величайшую въ свѣтѣ базилику: зодчество подчинялось понтификальной власти. Подъ такими невыгодными для искусства условіями, зодчіе, по мѣрѣ возможности, старались держаться художественныхъ формъ; сіи послѣднія, не соответствуя размѣрамъ массы, преодолевались исполнскими масса-

ми; а въ борьбѣ съ ними, образовательный гений людской бессознательно творилъ для исполиновъ — и вышелъ архитектурный фениксъ, величаво попирающій всѣ права искусства, относящійся не къ индивидуальности зрителя, но ко всему горизонту Рима, и протестующій противъ всякаго *человѣческаго* понятія, коимъ стѣснялась бы его безусловная воля въ области гигантской мечты и безграничнаго міра духовъ.

Но спросимъ себя: куда ведетъ этотъ образъ воззрѣнія? въ область фантастическихъ и, наконецъ, чудовищныхъ видѣній! Опасно переходить за границу гармоніи челоѣческой въ нѣкій міръ, гдѣ нѣтъ для насъ ни положительной правды, ни положительнаго наслажденія. Останемся при чувствѣ изящнаго, при сужденіи эстетики!

Я всходилъ на самый верхъ собора и, по желѣзной перпендикулярной лѣстницѣ, вскарабкался въ самую маковку, *пала*, гдѣ, какъ слышно, могутъ помѣщаться 16 челоѣкъ, въ числѣ коихъ я, впрочемъ, не хотѣлъ бы быть; ибо тамъ и одному уже душно. Чуденъ видъ съ высшей наружной галереи: Тибръ вьется едва замѣтнымъ ручейкомъ; пространный Ватиканъ съ своими садами довольно мелокъ; городъ грандіознѣйшихъ палатъ кажется приземистымъ городкомъ; люди — движущіяся точки! На этомъ вольномъ, воздушномъ просторѣ, глазъ встрѣчаетъ только два возвышенные предмета: съ одной стороны Аппенины, съ другой — море! къ этому упопительному зрѣлищу присовокупляется восторженная, истинно поразительная мысль: что высокая искусственная гора, на тѣмени которой стоишь — есть соборъ Св. Петра, со всѣмъ своимъ дивнымъ великолѣпіемъ!...

И все это дивное великолѣпіе сооружено на томъ *мѣстѣ*, гдѣ Цинциннатъ, римскій консуляръ, т. е. первостатейный сановникъ, пахалъ остальные четверю *югера* своего поля: изъ узаконеннаго числа семи югеровъ потерялъ онъ три, черезъ поручительство за друга (замѣтите эту черту древней дружбы!). Вся эта расточительная роскошь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великій Цинциннатъ пахалъ, съ запыленнымъ лицомъ, даже безъ тунки, подвязанный только поясомъ, по римскому правилу: *Nudus ará!* (Virg. Georg. I, 229) такъ, что публичный посолъ долженъ былъ его попрощать прикрыть свою шапку, дабы слушать повелѣніе сената и народа римскаго, и объявилъ его — диктаторомъ, избраннымъ для спасенія отечества, погибав-

шаго въ своемъ окруженномъ непріятелями войскѣ. И диктаторъ спасъ отечество, постигши обнажитья своей власти и своей одеждою, и опять наклонился на соху!

Какіе два рѣзкихъ контраста: непомѣрно-великолѣпный *Ватиканъ* и обнаженный орадай-*Цинциннатъ*! Въ которомъ изъ нихъ болѣе *цѣлности*, болѣе истиннаго великолѣпія? Разумѣется, въ свѣтлѣйшемъ земледѣльцѣ, осыпленномъ высшими добродѣтелями челоѣческими! Если *такъ*, то и ватиканскій холмъ не былъ *пустопорожкимъ* мѣстомъ, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи; онъ былъ занятъ величіемъ Цинцинната, огромнѣйшимъ дворца ватиканскаго.

Но *міръ* судить иначе! Если бы всемірная исторія была и судъ всемірный, то Верцингеториксъ славился бы болѣе, чѣмъ Юлій Цезарь; и Секстъ-Помпей, который легкимъ и безопаснымъ нарушеніемъ договора могъ бы быть властелиномъ міра, цѣнился бы гораздо выше, чѣмъ Августъ. Когда, наконецъ, провозгласятъ правду о землѣ, то люди — а въ особенности *Англичане* — выпучатъ глаза, услышавъ, что нагой и запыленный Цинциннатъ за плугомъ — великолѣпнѣе Ватикана! а морской разбойникъ Секстъ-Помпей — достойнѣе славы, чѣмъ Нельсонъ!

Боже мой, куда заноситъ размышленіе, когда исполненное созданіе искусства не удовлетворяетъ эстетически! Въ характерѣ этого зодчества царствуетъ нѣкоторый духъ, вызывающій всѣ запреты и силы нашей души, обузданныя и усыпленные христіанствомъ.

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

С м ѣ с т ѣ

ЛАМАРТИНЪ. Ламартинъ, безспорно, принадлежитъ къ числу знаменитыхъ людей нашего времени. Какъ государственннй челоѣкъ и поэтъ, онъ въ одно время собираетъ заслуженную дань удивленія и на политическомъ и на литературномъ поприщѣ. Мы не говоримъ теперь ни о парламентскомъ, ни о литературномъ его значеніи, но сообщаемъ простыя, интересныя замѣтки о его жизни и характерѣ, сдѣланныя однимъ изъ почитателей этого знаменитаго нашего современника.

«Въ первый разъ, я увидѣлъ Ламартина, говорить соотечественникъ славнаго лирика, въ его пріемной залѣ. Онъ разговаривалъ съ какою-то молодою женщиною.

Это была дочь того англійскаго поэта, который получилъ когда-то отъ Ламартина одно стихотвореніе, прочитавъ его иронически и, безъ сомнѣнія, скоро забылъ. Дочь лорда Байрона привѣтствовала теперь, въ полномъ блескѣ, ту славу, которая только въ сомнительномъ разсвѣтѣ мелькнула передъ глазами ея отца. Поэтъ Альбіона не подоваривалъ, что робкій молодой челоѣкъ, пришедшій ему свои стихи, будетъ послѣ него наследникомъ лирической поэзіи.

Есть что-то трогательное въ искреннемъ удивленіи юности литературнымъ знаменитостямъ своей эпохи. Ламартинъ, съ своей стороны, былъ жаркимъ поклонникомъ одного современнаго гения. Въ молодая лѣта, онъ жилъ въ замкѣ своей тетки, близъ Женевы. Часто онъ уходилъ далеко отъ своего жилища, садился на краю дороги и выжидалъ проѣзда одной коляски. Если его ожиданіе не исполнялось, онъ съ грустью возвращался домой, потому что не видѣлъ идеальнаго лица, которое увлекало его изъ замка чрезъ горы, лѣса и овраги. Конечно, не Наполеонъ былъ предметомъ мечтаній поэта. Что значила для него воинская слава? Бури въ горахъ представляла ему столько же пламени и шума, какъ и баталія. Царца его думъ была женщина, говималъ Наполеономъ, госпожа де-Стаель. Быть-можетъ, она и не замѣчала этого бѣлокурого мечтателя, который носилъ ея образъ въ своей душѣ.

Спустя нѣсколько времени, Ламартинъ служилъ въ гвардіи, при дворѣ Лудовика XVIII. Разъ король натаился въ своихъ креслахъ по луврской галереѣ; маршалъ Молиторъ выронилъ перо изъ своей шляпы; Ламартинъ поднялъ его и проворно подалъ маршалу. Король замѣтилъ это и сказалъ: «Вотъ молодецъ!» Подозрѣвалъ ли монархъ, что подъ мундиромъ этого молодца таилась восторженная поэзія? Поклонникъ Горация, влюбившій Шатобриана за его литературныя мнѣнія, возненавидѣлъ бы тогда молодого гвардейца.

Въ эту эпоху Ламартинъ просился на службу къ герцогу орлеанскому. Герцогъ отказалъ молодому челоѣку. Тогда, отъ нечего дѣлать, Ламартинъ сталъ писать стихи. Теперь герцогъ орлеанскій — король Французовъ, а поэтъ — его министръ.

Ламартинъ, съ самаго дѣтства, воспиталъ въ себѣ искреннюю любовь къ природѣ, которая разливаетъ столько прелести въ его стихотвореніяхъ. Сень-Поанъ, гдѣ протекало его юность, въ самомъ дѣлѣ представляетъ что-то сельское, улыбающееся и вмѣстѣ дикое. При подножьи угрюмыхъ горъ, опаленныхъ лучами солнца, близъ зеленѣющихъ виноградниковъ, развѣтываются прекрасныя пажити, гдѣ воли пробиваются длинныя борозды среди всякой травы.

Теперь Ламартинъ пишетъ книгу подъ названіемъ *Confidence*. Безъ сомнѣнія, онъ раскроетъ въ ней свои первыя впечатлѣнія, расскажетъ намъ про свое страданіе-

ческое посвященіе въ таинства поэзіи и укажетъ путь, по которому онъ достигъ до предѣла своей славы.

Чтобы узнать характеръ какого-нибудь писателя, довольно познакомиться съ его повседневною жизнью. Лорду Байрону были нужны пустыя дворцы Венеціи, Равенны и Пизы, гдѣ онъ окружалъ себя собаками, мелкѣями и лошадьми. Безъ сомнѣнія, для него люди стоили гораздо менѣе, чѣмъ животныя, которыя развлекали и забавляли его.

Пріемная зала Ламартина походитъ на залы версальскія: она убрана во вкусѣ осьмнадцатаго вѣка. На столахъ разбросаны восточныя оружія и богатые персидскія ткани; на каминѣ стоятъ часы, украшенные рѣзною работою госпожи Ламартинъ, которая владѣетъ талантомъ живописца и ваителя. Въ этой комнатѣ найдете груды стиховъ и брошюръ всякаго рода, политическихъ, социальныхъ, экономическихъ о желѣзныхъ дорогахъ, объ избирательной реформѣ, о пароходахъ. Ламартинъ отвѣчаетъ рѣшительно всѣмъ, кто присылаетъ ему подобныя подарки. Здѣсь же увидите картины различныхъ живописцевъ, греческія женскія головы, нарисованныя госпожею Ламартинъ, и портретъ самого поэта, во весь ростъ.

Кабинетъ Ламартина походитъ на келью пустыинника. Здѣсь стоитъ одно только старое бюро, краснаго дерева. Поэтъ пишетъ и мечтаетъ среди болтливаго племени птицъ, которыя щебечутъ въ клеткѣ, тогда-какъ меланхолическій поугай прячетъ подъ крыло свою изумрудную голову.

Гостиница Ламартина — это караванъ-сарай всего свѣта. Ни одинъ знаменитый путешественникъ не опуститъ случая поклониться поэту или оратору. Громкая слава та же, что величественный памятникъ въ какомъ-нибудь городѣ, который всѣ посѣщаютъ изъ любопытства или по чувству уваженія. Ламартинъ, какъ защитникъ національности всѣхъ народовъ, привлекаетъ къ себѣ и иностранцевъ. Въ его салонѣ увидите всѣ костюмы, услышите всѣ языки, мусульманинъ, методистъ, раввинъ, прибывшіе съ сѣвера и востока, присутствуютъ въ его собраніяхъ. Здѣсь сталкиваются всѣ ученія и всѣ мнѣнія. Въ субботу встрѣтите здѣсь представителей всѣхъ партій. Вильгельмъ садится возлѣ де-Дре-Брезе; Барро раскланивается съ Сальванди; Шамболь входитъ въ одну дверь съ Жирарденомъ; Ансельмъ-Петтенъ встрѣчается съ маршаломъ Сультомъ. Мистикъ Балланшъ, который любитъ уноситься думою подлѣрки католическихъ монастырей, меланхолически бродитъ возлѣ Виктора Консидерана, который только и думаетъ что объ удовольствіяхъ свѣта. Давидъ д'Анжеръ разговариваетъ съ какимъ-нибудь депутатомъ консервативной партіи. Въ другіе дни къ Ламартину собираются только искренніе друзья.

Бесѣда Ламартина — это краснорѣчивое, поэтическое изліяніе чувствъ и мыслей. Онъ говоритъ свободно; его рѣчь, всегда рѣчюванная, облекается въ изящные образы. Мы слышали его на каедрѣ; но онъ былъ не такъ краснорѣчивъ, какъ въ домашней бесѣдѣ. Его воображеніе, въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, возвышается до лирическаго вдохновенія.

Ламартинъ одаренъ чудною способностію импровизатора; онъ импровизируетъ всегда. Стихи такъ срываются ему, что онъ пишетъ ихъ такъ же легко, какъ проза. Онъ обыкновенно диктуетъ свои поэмы. Такъ, въ одно дѣло, онъ продиктовалъ поэму «Паденіе Ангела.»

Если бы я захотѣлъ охарактеризовать душу Ламартина, я сказалъ бы, что въ ней сливаются умиленіе, добродетельство и симпатія. Это тайна всѣхъ его мнѣній. Онъ безгранично любитъ всѣхъ людей — и всѣ идеи.

НОВЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ ІЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ НАДПИСИ РОЗЕТТСКАГО КАМНЯ. Докторъ Лепсіусъ, начальникъ ученой экспедиціи, отправленной прусскимъ королемъ для изслѣдованій вильской долины, открылъ, на островѣ Мерое, новый экземпляръ знаменитой розеттской надписи. Чтобы оцѣнить важность этого открытія, надо вспомнить, что розеттскій камень, названный такъ по имени крѣпости, въ которой онъ былъ найденъ въ 1799 году, имѣетъ на одной сторонѣ три надписи, изъ которыхъ двѣ на египетскомъ языкѣ въ іероглифическихъ или священныя и демотическихъ или народныхъ письменахъ, а одна на языкѣ греческомъ. Всѣ эти надписи, выражая одну и ту же мысль, подали первую надежду и дѣйствительное средство и основаніе — разрѣшить загадочный вопросъ о языкѣ и письменной системѣ древнихъ Египтянъ. Но ученые встрѣтили довольно важное препятствіе для своихъ изслѣдованій въ томъ, что іероглифическая надпись потеряла, вмѣстѣ съ обломкомъ верхней части камня, двѣ трети своего содержанія. Судя по успѣхамъ, какіе сдѣланы въ изученіи іероглифовъ, не смотря на это препятствіе, можно думать, что ученые теперь подошли бы гораздо дальше, если бы, съ самаго начала, имѣли полный экземпляръ всѣхъ трехъ текстовъ. Въ новомъ экземплярѣ, найденномъ докторомъ Лепсіусомъ, іероглифическій текстъ сохранился какъ нельзя лучше; надо ожидать, что это открытіе прольетъ живой свѣтъ на египетскую археологію.

СТО-ОСМЬМИЛѢТНЯЯ КАРЛИЦА. Въ Пестскомъ журналѣ пишутъ, что венгерскій городъ Корпона къ числу своихъ главныхъ достопримѣчательностей долженъ причислить карлицу Анну Росско, цыганскаго происхожденія, которой отъ полу менѣе трехъ футовъ, а отъ-роду болѣе ста-осьми дѣтъ. На ногахъ и рукахъ ея не по пяти, а по

шести пальцевъ. До-сихъ-поръ зубы этой малорослой красавицы очень хорошо сохранились и отличаются бѣлизною; а волосы такъ густы и черны, что нѣкоторые наши поэты, воспѣвающіе исключительно перлы во рту и кудри на головѣ, могутъ смѣло, за неимѣніемъ другихъ, высокихъ предметовъ, воспѣвать зубы и волосы ста-осьмилѣтней низенькой, крошечной карлицы.

КАРЛИКЪ-НАПОЛЕОНЪ, НА РУКАХЪ У ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА. Недавно въ Букингемскомъ дворцѣ, знаменитый карлик Томъ Оомъ, былъ представленъ английской королевѣ Викторіи, въ присутствіи членовъ Королевскаго Дома и многихъ знатныхъ особъ. Крошечный карликъ большой мастеръ подражать въ приемахъ Наполеону, и сверхъ того становится въ живописныя позы древнихъ, греческихъ статуй. Королева подарила ему перстень, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями. Вечеромъ, того же дня, карликъ явился предъ многочисленнымъ собраніемъ, въ Египетской залѣ. Въ то самое время, когда входилъ туда герцогъ Веллингтонъ, карликъ представлялъ Наполеона на островѣ Святой-Елены. — О чемъ размышлялъ ты? — спросилъ герцогъ. — О потерѣ сраженія при Ватерлоо! — отвѣчалъ карликъ. Герцогъ взялъ крошечнаго Наполеона на руки и началъ съ нимъ разговаривать. Это возбудило общій смѣхъ во всемъ собраніи.

ДВА АНГЛІЙСКІЕ КОРАБЛЯ ПРОЛОМЛЕННЫЕ ПИЛОУ-РЫВОЮ. Въ англійскомъ журналѣ: The Annals and Magazine of natural History, сообщаютъ два недавніе примѣра ужасной силы, которою обладаетъ извѣстная морская рыба, названная пилоу по пилообразной, длинной кости, выходящей изъ оконечности ея головы. Англійскій корабль *Евфемія*, прибывшій въ Англію изъ Бразиліи, во время пути, отъ неизвѣстной причины, получилъ течь. Въ гавани его осмотрѣли и нашли, что пила означенной рыбы, проломивъ мѣдную оболочку и деревянную стѣну въ трюмѣ, вонзилась въ корабль на девять футовъ и потому сломилаась. Эту сложенную пилу морскаго чудовища капитанъ корабля отдалъ, для сохраненія, въ бѣльчесткій музей. Другой корабль, *Лордъ-Бейронъ*, прибывшій изъ Америки въ Ливерпуль, во время своего пути подвергся подобному приключенію. Безъ всякой видимой причины, вдругъ оказалась въ кораблѣ течь. Капитанъ корабля Томпсонъ принужденъ былъ пристать къ ближайшему острову. Разгрузили корабль и нашли, что пила морской рыбы проломилась мѣду и дерево, вонзилась въ корабль на пять дюймовъ и образовала значительное отверстіе въ подводной его части.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Городской Думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ. Изданіе А. Семена 6 ч. М. 1843—1844 г.; 4 р 30 к. сереб. съ перес. 5 р сер. этой книги:
Оглавленіе слѣдующее: Отдѣленіе 1. часть 1-я. Для воспитателей. Практическое воспитаніе миссъ-Еджевортъ. Глава 1. О дѣтскихъ игрушкахъ. Глава 2. Объ урокахъ. Гл. 3. О вниманіи. Гл. 4. О прислугѣ. Гл. 5. О знакомствахъ. Гл. 6. О нравѣ и характерѣ. Гл. 7. О послушаніи. Гл. 8. О правдивости. Гл. 9. О наградахъ и наказаніяхъ. Гл. 10. О симпатіи и чувствительности. Гл. 11. О тщеславіи, гордости и честолюбіи. Гл. 12. О книгахъ. Отдѣленіе 2. Часть 2-я (Продол.) Гл. 13. О грамматикѣ и наукахъ классическихъ. Гл. 14. О географіи и Хронологіи. Гл. 15. Объ Ариметикѣ. Гл. 16. О Геометріи. Гл. 17. О Механикѣ. Гл. 18. О Химіи. Гл. 19. О воспитаніи общественномъ и частномъ. Гл. 20. О талантахъ, нужныхъ дѣвицамъ. Гл. 21. Объ изобрѣтательности и памяти. Гл. 22. О воображеніи и вкусѣ. Гл. 23. Объ умѣ и разсудкѣ. Гл. 24. О бережливости и осторожности. Отдѣленіе 11-е. Часть Перв. ая. 1. Сказка въ видѣ альманаха (А. П. Зонтагъ). Караванъ. Повѣсть о Калифѣ Аистѣ. Повѣсть о мертвецахъ мореплавателяхъ. Повѣсть объ отрубленной рукѣ. Повѣсть о спасеніи Фатимы. Походженіе маленькаго Муза. Повѣсть о ложномъ принцѣ. Разсказъ Арбасана. Исторія греческихъ героевъ (*Либура*). Путешествіе Аргонавтовъ. Исторія Геркулеса. Ираклиды и Орестъ. Отдѣл. 11. Часть вторая. Машенькина кукла. Метеоръ. Мальчики. Бопарисъ (Рассказъ). Нѣмецкія народныя сказки. Дѣвическія Гансы. Разсказы изъ жизни вольныхъ людей. Маленькій поэтъ. Людвигъ фонъ-Бетховенъ или маленькій капельмейстеръ. 1. Горшокъ съ помидой. 2. Незабудка. 3. Музыка и Ренвиль. 4. Маленькій импровизаторъ. Петръ Брейгель (истинное происшествіе): 1. Двое сиротъ. Отдѣл. 11. Часть вторая. Миеологія древнихъ народовъ Востока. Миеологія индійская. Брама. Шива. Вишну. Будуга. Прочія древнія божества Индійскія и образы богослуженія. Персидская миеологія. Египетская миеологія. Отдѣл. 11. Часть третья. Сказка о Шелкувѣ (Гофмана). Маленькіе люди (Ламотъ-Фуке) Петръ Шлемиль (Шамиссо). Война Троянская. Построеніе Трои. Пріамъ, Гекуба и Парисъ. Похищеніе Елены. Греки. Посольство Грековъ въ Пріаму. Агамемнонъ и Ифигенія. Отпльтіе Грековъ, Греки въ Мидіи. Возвращеніе Париса. Греки полъ Троей. Отдѣл. 11. Часть четвертая. Непослушаніе (комед. въ 3 дѣйств.) Поваръ-самозванецъ въ бѣдѣ, или шалость молодого человека, и его исправленіе. Отдѣл. 11-е. Часть четвертая. Война Троянская (Продолженіе.) Паламедъ и смерть его. Протезилая въ Смирнѣ. Подвиги Ахиллеса и Аякса. Полидоръ. Хризанда, Аполлонъ и гнѣвъ Ахилла. Парисъ и Менелай. Домъ и родъ Агамемнона. Смерть Агамемнона. Отищенныи Агамемнонъ. Орестъ и Эвмениды. Изягенія въ Тавридѣ.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

194
198

235
154

510

№ 7. АПРѢЛЬ 1844.

A 139
36

~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Словесность.* Альбина, повѣсть Александра Дюма. (Продолженіе.) — *Науки и Художества.* Экспедиція подпоручика Нахусова, для описи восточнаго берега новой земли, въ 1832 и 1833 годахъ. — *Смѣсь.* Паденіе Валансіенской башни. — Макдональд-Клеркъ, сѣверо-американскій сумашедшій поэтъ. При этомъ номерѣ приложенъ рисунокъ, изображающій паденіе Валансіенской башни.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.